

По поручу Виктора
Чезо Касарубови

Дарья
ТОИИ

Понягу в моё
KOKORO

Дарья Тоин

Попади в моё Кокоро

<https://litres.ru/74267908>

Аннотация

Мне двадцать. Ему тридцать два. И он вроде как мой властный и строгий босс, который точно и рядом со мной не встанет. Нас не должно что-либо связывать. Он меня уже заранее бесит, но однажды я отношу ему документы и зачем-то заглядываю туда, куда не стоило.

Ой нет, определенно, не стоило!

— Мы с тобой уже виделись, да, Ален?

#пагубная_первая_любовь. * “Кокоро” (сленг, с яп.) - сердце, нечто очень важное и родное.

Содержание

Ко 1. Загляни в мою дверь	4
Ко 2. Умей вертеться	11
Ро 3. Это мило	21
Ко 4. Ответь мне	26
Ко 5. Подойди ко мне	33
Ро 6. Это опасно	46
Ко 7. Постарайся не существовать	53
Ко 8. Согласись, если я помогу	61
Ро 9. Это наивно	73
Ко 10. Вытирай слезы	77
Ко 11. Посмотри со мной	85
Ро 12. Это плохо	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ко 1. Загляни в мою дверь

Кокоро (яп. “сердце”) - нечто очень важное, предельная выраженность чего-либо greykokoro.

Надуваю малиновую жвачку и тут же лопаю получившийся шарик, заодно закрепляя защелку шлема на ручке маминого скутера. Надеюсь, что за пять минут на этой уже очищенной территории элитной многоэтажки радость нашей скудной семьи никто не подрежет, не свинтит зеркала и не утащит колеса, оставив всё так, как есть.

Хотя я не стала бы в обычный момент доверять этим богатыньким надутым индюкам, но другого выбора нет! И так уже опаздываю, еле пробравшись сюда в метель.

За такой подвиг надо давать хоть малюсенькую премию, но на это в наших реалиях можно и не рассчитывать. Почти три месяца кручусь как белка в колесе, разрываюсь между универом, подработками и работой, а меня до сих пор даже в штат не взяли. А ещё скоро сессия - я вообще выживу, нет?

Вздыхнув и схватив покрепче “очень важную” папку с документами, которую *“Аленочка ни в коем случае не должна потерять”*, долетаю до парадного входа и звоню консьержу. Спустя три попытки объяснить кто я и что тут делаю, всё же захожу внутрь огромной парадной и стараюсь в этом королевстве не наследить, пока пробираюсь к лифтам. Бабуля

из своей каморки смотрит на меня с презрением, и мне прямо трудно не отвечать ей взаимностью, пока жду, когда на табло покажется единичка.

Створки наконец отворяются, и я выжимаю, ясное дело, последний этаж. По крайней мере, так написано на записке, прикрепленной к этой бежевой папочке. Пока кабина поднимается, смотрю на себя в огромном зеркале.

Надо к концу месяца потратиться и проколорировать в серый корни, а то скоро будет замечен свой цвет. И едва ли в таком виде меня кто-то пропустит на съёмки, а это точно бай-бай гонорар.

А ещё очень хочется спать после вчерашнего “последнего праздничного дня”, в котором пришлось помотаться по городу в поисках нужной локации. Вот сейчас закончу с этим мажоритарным главным, отвезу обратно эти бумажки и уйду отсыпаться в какой-нибудь подсобке, делая вид, что ищу тиражи (ну делают же так другие).

Лифт наконец останавливается, выпуская меня на лестничную клетку. Передо мной, ну конечно, одна единственная дверь и мне явно сюда. Так что пока поправляю кожанку, очищаю заляпанный в грезево-снежном месиве низ чёрных джинсов и выдыхаю в этом чистейшем пространстве, борюсь с боязнью показываться перед начальством.

Ауф блин! Это уже не первая моя работа, но я всё ещё боюсь вышестоящих! Особенно таких! Выше него кто там? Его отец? Ну прекрасно. Так... а что там про это-

го Ронина-среднего говорили? Злой, резкий, придиричивый? Огонь вообще!

Ладно, у нас же нет корпоративного стиля... может, не будет придираться к внешнему виду? Надо было дома спать, Алёна... и я в очередной раз за сутки проклиная вторую модель, из-за которого всё пошло наперекосяк. Ладно хоть после вообще заплатили! Уверена, опоздай я, никто бы не сожалелся.

Подношу палец к кружочку звонка и спустя вдох тыкаю, прикусывая губы.

“Я привезла документы”,

“Здравствуйте, меня зовут Алёна Касаткина. Я с документами с работы”.

“Здравствуйте...”

— Кто? - Вдруг холодом раздаётся по ту сторону двери.

Чёрт... что говорить-то!?

— Здравствуйте, я с документами с работы и...

На моём “и” замок щёлкает, видимо, впуская. Дёргаю на себя ручку и, открыв дверь, захожу в мраморный холл, тихонько вставая на коврик. Ммм, красиво тут... дорого-богато.

— Сейчас подойду, подожди немного, - откуда-то кричит мне хозяин жизни, к счастью, не приглашая пройти дальше.

Вот интересно, сколько он меня на этих задворках проморозит? Явно же я с бумажками этими не в первой очереди его великой занятости. Так что решаю, надув пузырь по-

больше, просто поглазеть, заметив на стене какую-то картину в бело-золотой рамке. Кто это писал? Стиль вроде родом из Возрождения.

Рядом со мной под вешалкой стоит пуфик и обувница. И меня так тянет сесть (и заснуть), но приходится стоять по струнке, лишь иногда зевая и жуясь.

Спустя пару минут устаю от ангелочков с деревьями на полотне, переключаясь на приоткрытую дверь справа. И всматриваться точно не стоит, но, кажется, сейчас вижу край какого-то постера, дико контрастирующего с этим вычурным классическим стилем.

Постер... здесь? В этом шике роскоши и богатства? Странное сочетание. Я чуть высовываюсь за пределы ковра, пытаюсь взглянуть, что там, и тут же замираю.

Стоп. Да ну нет... стоп-стоп-стоп! Чего!? В смысле!?
Что за ересь вообще!? Откуда ЭТО здесь!?

Проморгавшись, смотрю ещё раз - картинка не изменяется, зато мою усталость будто рукой сняло! Я сглатываю, борясь с желанием сбежать отсюда к чёртовой матери! Но в руках по прежнему документы. Интересно, если их тут оставить, меня сразу уволят или ещё пропесочат?

Нервно выдохнув, решаю натянуть повыше воротник кофты под кожанкой, но тут же бросаю эту идею. Так точно поймёт... да блин! Вспоминаю про канцелярскую резинку на запястье и молюсь всем Ктулху и Буддам, лишь бы это хоть чуточку помогло.

И именно в тот момент, когда заканчиваю с не особо получившейся култышкой, двустворчатая дверь передо мной открывается, впуская самого хозяина в сужающийся и давящий по нервам круг.

— У нас факсимиле с каких-то пор исчез? - Ворчит, подтверждая все слухи о себе, так, будто это я в своём присутствии виновата. - Ты Игоревне своей скажи, что меня ваши приходы уже начинают раздражать, поняла?

Боюсь смотреть в лицо, замечая только ступни на этой плитке и широкие льняные штаны, протягиваю ему папку, из-за которой вообще здесь нахожусь:

— Передам. Подпишите, пожалуйста...

Берёт её и почему-то не торопится двинуться с места или сделать хоть что-то.

— Подпишите, - повторяю.

Мне показалось, или он сейчас ухмыльнулся?

— Окей, - говорит, тут же уходя в сторону той самой открытой двери.

Включает там свет, подтверждая то, что мне явно не показалось. Су-у-у...суть моих вещей! Ну как так-то!? Выдохнув и закатив глаза к высоченному потолку, проклиная всю свою жизнь, прощаясь с мнимо наступившей стабильностью.

— Как тебя зовут? - Вдруг пугает, появляясь в проходе.

Я едва успеваю отвести взгляд. Но в замеченном силуэте что-то тут же смущает... собственно, поднимаю голову к нему и выдыхаю, забыв, о чём меня спрашивают.

— А? - Хватает только на это.

Какого чёрта это именно он!? Эй, всевышние! Как это возможно!? Два из двух. Довольная морда, из-за которой я и не выспалась, каким-то чудом появившаяся здесь, повторяет:

— Как тебя зовут? - Улыбнувшись ещё шире, на едва заметный миг прикусывает губу.

И даже жалею, что нацепила резинку на волосы, а не оставила ту на запястье. Сейчас болевой шок бы мне точно помог... это правда он. Вчерашний. Да! Сто процентов! Ямочка на подбородке, скулы, прямой нос и этот колкий взгляд глаз орехового оттенка... да и фигура суховато-поджарая, как любит Герыч, ауф кринж какой!

А ещё он до сих пор ждёт, так что мне снова приходится напрячь мыслительную деятельность:

— Меня... Алёна.

Хмыкнув, кивает и решает утопить во вкрадчивости своего вдруг мурлыкнувшего тона:

— Мы с тобой уже виделись, да, Алён?

Задержав дыхание на миг, мотаю головой.

— Не. Вы... - вдыхаю побольше воздуха, лишь бы не думать о том, что висит на стене позади него, и шепчу на выдохе, - обознались.

— Мне кажется, нет, - договорив, протягивает уже закрытую папку и зачем-то решает добавить сквозь скользящую по моему лицу полуулыбку, - кстати, вчера было здорово.

Вцепившись в бумажки, делаю шаг назад, тут же натыка-

ясь спиной на дверь. Он медленно опускает руку и переводит взгляд на свои пальцы, которых ещё мгновение назад я чуть самолично по-дурости не коснулась.

— Мне кажется, Вы... ошиблись, - приходится вспомнить его имя, и нужное еле приходит из вереницы важных и до сих пор невыученных, - Вадим Денисович.

Этот странный тип чуть наклоняет в бок свою беспутую брюнетовидную голову и произносит, прищурившись и начиная загибать длинные пальцы:

— Во-первых, испуг. Во-вторых, цвет волос. А ещё твои серые глаза, - зачем-то спускается взглядом ниже, загибая сразу безымянный и мизинец, - хорошая двойка под курткой и зачётная фигура, Алён. Говоришь, - умудряется ухмыльнуться, - перепутал?

И это всё, свалившись на мою больную голову, заставляет меня развернуться и вырваться из этой квартиры куда-нибудь подальше. Желательно, в другую галактику! Ну за что мне это? Просто ЗА ЧТО!?

Ко 2. Умей вертеться

greykokoro.

Спустя сорок минут, доехав до работы и еле успокоив трясущиеся не только от дороги руки, слезаю со скутера, оставляю его на нашей подземной парковке и, пока мои ноги бредут к лифту, набираю номер подруги, из-за которой это всё когда-то и началось.

— Алён, - та, как и всегда на работе, пробует отдышаться, - давай только быстро! У меня тут Гер Герыч лютует!

И я бы могла спросить, что у неё опять стряслось, но моя дорогая и горячо любимая помощница главного фотографа в одном ИП, и правда, слишком много взваливает на свои плечи.

— С этим... - решаю начать сразу с причины звонка, - вчерашним Адом была подстава, да?

— Погоди, - слышу, как останавливается и пытается вникнуть, - в смысле подстава? Что-то случилось?

Вздохнув и заходя в наконец спустившийся лифт, нажимаю на наш четырнадцатый и отвечаю:

— Я же с кем-то другим должна была сниматься? Его сняли? И впихнули другую модель? Поэтому всё так затянулось и менялись площадки?

Чувствую, как та кусает губы, как делает всегда, когда особенно косячит.

— Ну да, - выдыхает в трубку, - я не хотела тебе говорить...

— Ай блин почему? Могла же, пока мы катались, Алин!

Хотя едва ли я что-нибудь бы изменила, но Алина отвечает на моё нервное обвинение, каждым словом меня успокаивая:

— Прости! Просто с Герычем связались и видимо забашляли. Тот быстро всё организовал, а Никиту Рьяного тебе просто передвинули на конец февраля. Так бывает!

— Да уж, - шепчу, смотря на исчезающие цифры маленького табло.

— Ничего же такого не произошло? Ты не злишь, ладно? Сама же знаешь, ну бывает. Иногда появляются богатые извраты и их желания нам приходится выполнять. Бизнес такой, Аленёнок. Нужно всем уметь вертеться... и вертеть тоже всем!

Зажмурившись, вцепляюсь в поручень, слушая, как подруга продолжает говорить:

— Но этот вроде нормальный был, нет?

О да, очень нормальный. Особенно, если учесть его должность. Решаю не отвечать...

— Ты, знаешь, привыкай, у тебя фотки сейчас даже на лицензию хорошо берут, так что подобное может ещё и не раз произойти...

Так себе наставление на будущее. Но я уже слышу, как её окликают вечно орущий Герасим Герасимович и та убегает,

не прощаясь со мной. Потому шепчу своё никому не нужное в данный момент “пока”, убираю смартфон в карман и стучу пальцами по краю подписанных документов.

— Это просто совпадение. - Пытаюсь ещё играть с самоушением, но то никак не хочет включаться.

Добравшись до нужного этажа, кабинка открывает врата и тут же глушит меня нашим вечным шумом. Только выбравшись, чуть не оказываюсь сбита пролетающей продажницей, сделавшей вид, что меня тут и не было.

Огибаю длинный коридор, заглядывая в стеклянное остекление офисов более крупных рыб и прощаюсь с надеждой перебраться в один из здешних кабинетов. Дохожу до отдела секретариата и стучу три раза, после пробираясь внутрь.

Сажусь на диванчик у самой двери и жду, когда проклятая нашим исполнительным Инга Игоревна освободится, спровадив очередь вечно жующих сплетни подруг. Спустя пару моих зевков и три мысленно написанных заявлений об увольнении, до меня наконец доходит очередь:

— Алёночка, сходила?

Встаю, подбираясь к столу, за которым и улыбается мне самая главная владычица секретариата.

— Угу, - кладу на стол папку, - вот документы.

— Подписал? - У этой поджарой сорокалетней блонди аж взгляд загорается. Та открывает последнюю страницу и прикусывают губу, сама себе кивнув. - Подписал! Да какая ты у

нас умничка...

А типа мог не подписать? И я бы просто скаталась зря? Вытряхнув эту пагубную мысль из головы, продолжаю стоять и ждать дальнейших действий.

— Что-то ещё, Алёнушка? Вадим Денисович что-нибудь говорил?

— Угу, - опустив взгляд на стол, передаю то, что и обещала, а то вдруг спросят, - говорил, что его бесят наши приходы к нему лично домой, и ворчал о том, куда делось факсимиле.

Девушка аж выпрямляется по струнке, будто перед ней не я, а этот важный начальник.

— Как куда делось? Так факсимиле забрали! Новое готовят, пока вот не привезли. Я ж ему писала! Ох уж этот шутник Вадим Денисович... - нервно смеётся, лишь бы не показаться передо мной уязвленной, - ну ты иди-иди тогда, чай хоть попей, застыла поди, солнышко наше!

Да уж, ох уж этот “шутник”. Но от предложения выпить что-нибудь тёплое не отказываюсь. Выхожу из её кабинетища и иду в сторону кухни, только не успеваю и коснуться нужной двери, как вдруг меня окликает главная гримза этого участка:

— Касаткина! Зайди-ка ко мне! - И пока я оборачиваюсь к главной кадровичке, та добавляет, скрываясь в их отделе. - Да побыстрее!

Вздохнув и снова вспомнив про заявление, пытаюсь заставить себя идти за ней. И как-то странно поглядывают на ме-

ня четыре девчонки, которыми руководит эта особа. Кажется, их в штате у неё восемь, но остальные шупальца слегли на больничный. И не удивительно, такая тётя строгая...

— Так, закрой-ка дверь, - оборачивается Рощина Ирина Михална, остановившись возле своего стола.

Я слушаюсь, отгораживая нас от четырёх пар заостренных ушей.

— Ты мне скажи, - садится на чёрное кожаное кресло, которое под её хорошими формами чуть опускается, - ты чего сейчас натворила?

Сглотнув, встаю напротив неё, не решаясь сесть на стул рядом.

— Да я ничего...

— Ай не ври! Ты к исполнительному ездила? - Всё тем же тоном выуживает дама.

— Да. Документы отвезла и всё, Ирин Михална.

Она чуть прищуривает свои почти чёрные глаза, хмыкает и откидывает выбившийся завиток из култышки. Демонстративно презрительно осматривает моё тело и выдаёт:

— Да? А что ж он мне тогда пишет и спрашивает про тебя, девочка?

Отвожу взгляд, кажется, начиная краснеть. Блин, да ну почему... женщина, верно истолковав мою реакцию, указывает на стул рядом.

— Садись, дурочка. Я ему дело твоё, конечно, отправила. Но ты давай... веди себя тише воды, ниже травы, ему не по-

падайся и из говна не чирикай*, поняла?

Сажусь, виновато кивнув.

— А то вылетишь и не заметишь, он же у нас такой. Недавно вон Таисию попёрли с его подписи, ты же в курсе?

Смутно припоминаю, что случилось прямо в канун Нового Года, кивнув ей.

— Вот! А у неё амбиций уж явно больше было, чем у тебя. И опыт посущественнее, понимаешь, про что я говорю? Так что даже не думай лезть к начальству! Наивная ты ещё больно для таких шашней.

Да кто к кому лез... прочистив горло, предпочитаю молчать и слушать, посыпая и без того серые локоны пеплом.

— И Таюшку-то мне жаль, но даже слово моё не помогло. Понимаешь?

Понимаю, что за меня если что никто и не вступится. Вздохнув, киваю, окончательно убеждая женщину в собственной значимости.

— Ну и молодец! Так, ну иди тогда, чего сидишь-то?

Действительно, сколько можно сидеть? Попрошавшись, вылетаю из их отдела так, будто меня ужалили. Пересекаю особо загруженный коридор и наконец прячусь за дверь кухни. Чёрт! Я даже не пообедала, а толстенькая стрелка здешних настенных часов уже перевалила за тройку.

Подхожу к холодильнику, достаю свой одиноко стоящий одноразовый контейнер и забираю его, думая, когда нам уже привезут вкусняшки. Обычно здесь есть что-нибудь вкус-

ненькое, и за это опять же благодарят Ингу Игоревну. Та на корпоративные заказывает на весь штат вкусняшек и порой даже достаётся что-нибудь вечно бегающей мне. Жаль, что не сегодня. Сладкое мне бы не повредило...

Решаю обойтись кофе и даже выживаю со столешницы рядом с мойкой пакетик сахарозаменителя, мысленно поблагодарив хоть за это нашу самую дружелюбную секретаршу.

Наливаю из кулера кипяток, растворяя ложку кофе в своей кружке с сердечком. Не решаюсь достать телефон, хотя думаю, что Алинка уже точно что-нибудь написала. Здесь нельзя даже во время обеда, не говоря уж о рабочем времени. Интересно, я получу выговор, если меня застукают? Рисковать частью аванса не хочется.

Насладившись одиночеством, мою кружку, съедаю свою бренную, но вполне вкусную творожную запеканку, купленную с утра в местном кафетерии на первом. И выдыхаю, выбираясь из этого уголка тишины и уюта. Мне нравится здесь... наверное, когда придётся уволиться, именно по этому месту и по этой огромной пальме-Сандре в углу я и буду скучать. Сандра за много лет разрослась. Говорят, что её сюда поставил сам Денис Вадимович, когда у того этот странный старший сын закончил школу. А это было лет двать назад, явно!

Снова вспомнив про Денисыча, жмурюсь и бью себя по щекам, через миг выбираясь с кухни и погружаясь в этот поток, заставляющий меня носиться по этажам до 17:00.

В одну минуту шестого на своём подобии рабочего места выключаю зачем-то выделенный компьютер, на котором мне до сих пор толком и не довелось работать. Так, только отмечать выполненные задачи и отчитываться о сделанных поручениях.

Меняю обувь, прощаясь с уже сбегающими сотрудниками и наконец позволяя себе посмотреть в телефон. Офис быстро пустеет, так всегда тут, и сейчас до меня нет никому дела.

И правда, от Алины есть непрочитанное, сводящиеся к “Извини, давай в выходные встретимся”. Да дожить бы ещё до выходных. Накидываю на себя курточку и тихонько бреду по уже опустевшему коридору к лестнице, не желая толпиться в вечно переполненных в это время лифтах.

Спускаюсь на парковку, думая о насущном. Айщ, я хочу здесь работать... и что делать-то? Не высовываться? Как!? Да там фото моё в латексном комбинезоне висит на стене этого извращенца, я как не высунусь-то? И распечатано оно в полный мой рост. Это вообще возможно? Твою мать...

Подхожу к скутеру, натягиваю шлем и выезжаю отсюда, тут же вклиниваясь в загруженный дорожный поток. Вечерний Час Пик радуется пробками, заставляя добираться до дома только к семи. Хорошо, что хоть дороги чистые, а то я бы ещё раз десять застряла.

Паркуюсь рядом с нашим подъездом, в котором я так быстро выросла, глушу моторчик и здороваюсь со стоящей рядом Марьей Леопольдовной. Та охает, поглядывая куда-то

в окна первого этажа, и я сама не замечаю, как смотрю в ответ. Прямо за тамбуром выбито окно первой квартиры, в которой, кажется, жил какой-то парень, а недавно поселилась девчонка. Осколки разлетелись по снегу и блестят, явно появившись тут совсем недавно.

— Ого. Выбил кто-то?

И для этого района такое вообще не нонсенс, иногда я даже рада, что у нас с мамой квартира на пятом.

— Да бесстыдники эти наркоманошные, Алён! - Причиняет старушка. - Ой, опять дел натворили! Сейчас участковый подойдёт.

Поворачивается ко мне и, прищурившись, позволяя морщинкам рассыпаться по чертам, произносит:

— Ты-то хоть с ними не водись!

Я не вожусь... в принципе, и ни с кем не водилась. Так что решаю зайти в подъезд, кивнув той на прощание. Поднимаюсь до нашего этажа, здороваясь с проходящими соседями. Открываю ключом нашу обитую тканью дверь, разуваясь, оставляя свои берцы на подставке из Светофора, и вешаю кожанку, купленную давно ещё на первые заработанные. Не успеваю и сделать шаг, как мама окликает из кухни:

— Ну что, блудная дочь, вернулась? А я уж думала в Морг звонить!

Да... надо было хоть отписаться.

* отсылка к народной притче о воробье. Мораль - не вы-

совывайся и не привлекай к себе внимания, а то сожрут кошки, как и эту птичку.

Ро 3. Это мило

v_ad.

— Слушай, ты был в курсе, да? - Возвращаюсь к Илье, закрывая дверь кабинета.

— Про кого? - Ухмыльнувшись, лыбится слегка туповатый блондин, отворачиваясь от панорамы. - Про неё? Ну круто же, разве нет? Представляешь, какое совпадение, твоя тёлочка, по которой ты так долго тащишься, работает у тебя под носом. А ты и не знал.

И последнее ему явно льстило. Но пока решаю включить остановленный её приходом трек, а уж следом перевожу внимание на брата:

— “Совпадение”?

Улыбнувшись, подхожу к окну, посмотрев вниз на как раз высунувшуюся из парадного... Алёну. Та идёт в сторону одиноко стоящего скутера, хорошо, что его не увёз эвакуатор. У нас запрещена парковка возле входной группы. Знак не видела?

Вспоминаю про брата, что-то там говорящего. Приходится слушать.

— Ну постарался я, что такого-то? Она ещё не в штате, я как её фотку в деле увидел, сразу про тебя подумал.

— Долго терпел, да?

— Три месяца. Уж очень хотелось посмотреть, как ты бу-

дешь пищу от восторга.

— Ммм, посмотрел? Устроил мне такой особенный подарок на день рождения. Вчера фотосессия, сегодня она лично у меня дома. А завтра в постели? Или подачи закончатся?

Ржёт, как мальчишка же:

— Так для брата ничего не жалко, Вад. Ты только ответочку мне зимой хорошую пришли, и в расчёте будем.

Киваю, не сводя глаз с её силуэта. Боже, такая красивая... вчера ещё понял, впервые осознав разницу между 2D и реальностью. Провожая её скудный транспорт, буквально заставляю себя отвернуться. Ильюшка уже разобрался с кофемашиной, отпивая своё любимое капучино.

— Слушай, - потирает губу, чуть обжегшись, - а зачем она тебе, а? Вот что ты дальше будешь делать?

Пожимаю плечами...

— Не знаю, пока что она просто мечта.

— Эта? Ей двадцать, Вад. Мелкая для твоей - изображает кавычки, - “мечты”...

Улыбнувшись, подхожу к кухонному островку и сажусь на барный.

— Это ты у нас любишь постарше.

Илья соглашается, кивнув, не отходя от шкафов и не решаясь играть со мной. Продолжаю диалог сам:

— Специально ко мне приехал именно сейчас, да?

Он не сдерживает ухмылку и цокает, шагнув в сторону выхода.

— Ну всё-то ты понимаешь, старший братик...

— Наслаждался сценой? И дверь постарался в кабинет открыть, когда консьержка звонила, да? Всё продумал, родной мой?

Делает ещё один шаг и пожимает плечами, решая не выдавать себя.

— Не понимаю, о чём ты...

— Да? Правда? Не понимаешь? - Улыбаюсь шире.

Ставит кружку на край столешницы и, срываясь галопом, сбегает в сторону коридора. Я решаю ему подыграть, догоняя его уже у двери.

— Ты в свои двадцать пять всё тот же маленький мамкин сучонок, - кидаю, хотя обычно он получал за подобное подзатыльник.

— Да блин, Вадим, - вздыхает, натягивая шапку, - ну она ж тебе пока нравится, на! Играйся! Получай мечту свою святую! Имей, люби, жри, трави! Я же просто поглазеть хотел, имею же право? Она бы вообще здесь не появилась, если бы не я. И хрен бы ты её в офисе встретил, честно.

— Ну спасибо тогда, да?

Кивает, уже вылетая за мою дверь. Замок щёлкает, оставляя меня один на один с собой. Я выдыхаю, выключая свет хлопком. Захожу к себе в кабинет и останавливаюсь прямо напротив неё. Точнее, напротив её фотографий.

Она мне очень нравится. Пока что. Очень давно. И впервые мне прям хорошо, я приближаюсь к постеру и провожу

линию по чёрной маске, которую та даже вчера не сняла. За ней оказались красивые естественные губы, тонкие линии, утонченный носик. А я и не знал, всё это время пытаюсь рисовать в её внешности недостатки. Пока не нашлись.

И что мне делать с этим теперь? Сажусь за компьютерный, поджимаю ногу к себе, прокручиваю рабочий портал и пытаюсь найти её лишь по имени среди множества других персонажей. Не выходит. Надеваю наушники и звоню нашей въедливой кадровичке, быстро прошу её отыскать мне девушку и получаю заверение в том, что уж с этой задачей она точно справится.

Пока жду, подтверждаю закрытие более важных вещей, сверяюсь с юриками, дохожу даже до ребят, отслеживающих пиратки и выдыхаю, когда наконец от Михайловны приходит письмо, подписанное её ФИО “Касаткина Алёна Максимовна, 01.09.03 г.р.”.

Моя Алёна...

Ей, и правда, недавно стукнуло двадцать. И во сколько тогда она начала сниматься? В восемнадцать? Семнадцать? Не рановато ли? Даже неудивительно, что из-за маски я думал, будто та старше. Выдыхаю, поглаживая копну своих волос на макушке, скольжу по фейду к вискам и думаю.

Маленькая совсем... мило.

Улыбнувшись и закончив читать скудное дело, отвлекаюсь от рабочего портала и захожу на уже знакомый сайт. Нахожу её профиль, сортирую по дате и открываю первые фо-

тографии, опубликованные здесь как раз два года назад. Уже тогда скрывала лицо... мышка-малышка.

Ко 4. Ответь мне

greykokoro.

— Привет, мам. - Падаю за стол, но тут же встаю помыть руки.

Мама дожаривает котлеты, которыми пропахла вся кухня, несмотря на включенную и жужжащую вытяжку. Мне очень нравится, когда она дома...

— Ты в ночную, - уточняю, хотя она явно делает вид, что обиделась.

— Конечно! - Отвечает кратко и чуточку едко, снова отворачиваясь к плите. Вздыхает и всё-таки решает спросить. - Ну ты же могла позвонить мне, Алён!?

— Могла. Просто я завертелась, мам.

Цокает, потирая тыльной стороной ладони светло-русые волосы с редко пробивающейся сединой. И это не возраст, а лишь нервы и переживания... из-за меня.

— И не думаешь, что я волнуюсь? Ночью даже не появилась...

— Да я в четыре только освободилась и уснула у Алинки.

— Эх, девчонки... - мама выключает плиту, отходя к мойке за тарелками, достаёт две, берёт вилки и возвращается, чтобы наложить нам ужин, - заработала хоть что-то?

— Угу, - сжимаю губы, лишь бы не рассказать сейчас лишнее.

Это “лишнее” не прекращает крутиться в моей голове, и от этого становится не по себе. Мамочки... как хочется, чтобы всё это было просто сном.

— Переведёшь тогда? А то завтра платежи по кредитам.

— Да, мамуль, я помню.

Моя до сих пор молодая и красивая вздыхает, поставив мне тарелку. Садится на табурет рядом и не решается начинать есть.

— Надо ещё немного потерпеть, - говорит вдруг.

— Я понимаю, мам. Всё в порядке. Мне сегодня сказали, что... - выдыхаю, - у меня уже хорошо получается, так что оплата должна стать выше.

Ломано улыбнувшись, подцепляю краем ложки гречку, засовываю в рот и проглатываю, запрещая себе думать о большем.

А если, и правда, этот Вадим Денисович - не последний, а именно первый? И если будут случаи похуже, что тогда?

Мы едим молча, мама справляется быстро и идёт собираться на подработку мойщицей в клуб неподалеку. Когда проходит около стола, я смотрю на её вечно измозоленные руки и думаю, что не случись меня двадцать лет назад, она бы жила как-то иначе. Мне порой кажется, хотя пытаюсь запрещать себе эти мысли, что у них могло бы выйти что-то с отцом, если бы мама не забеременела мной так рано. Но у жизни же нет сослагательного, правда? И я рада, что всё есть так, как имеем мы. Наверное, рада...

Нет отца. Вечные долги. Проблемы с ЖКХ. Кредиты, из которых не вылазили. И трудности... и ладно, да? Зато у меня есть она, а это хорошо.

Провожая её на смену, закрываю дверь на три оборота и выключаю свет в коридоре. Ухожу к себе в комнатку и сажусь на кровать, положив на ноги ноутбук. Долго скроллю бесполезные вещи, читаю статьи, смотрю и пытаюсь запомнить список анонсированных книг у нас и у главных конкурентов. Мельком пролистываю молодое издательство, специализирующееся на молодёжке и детской литературе, но даже за этим шумом своей профессии я думаю о том, что произошло днём.

В этой беготне только сейчас понимаю - это и правда было спланировано. Не очень толково и в спешке, словно тот наткнулся на нас с Герычем случайно. Мне даже кажется, что всё это ради того, чтобы вышвырнуть меня с работы, но зачем искать такие странные пути и... вешать мои плакаты... ауф, как мерзко.

Открываю наш сайт, нахожу профиль Гер Герыча и прокручиваю его контакты, пытаюсь найти последних и вспомнить, как именно назывался профиль, мельком показанный Алиной.

К счастью, нахожу его. Тот оказывается закрытым, и это ещё вчера должно было натолкнуть меня на все эти скудные мысли, но я же просто отмахнулась, посчитав его начинающей моделью. Ну кринж... ну могла же отказаться!

Всё из-за денег.

Беру смартфон и наконец захожу в банк, перевожу последний перевод на мамин номер, оставляя у себя пятьсот на бензин. Надо ещё немного продержаться... вцепиться в это место, как-нибудь выгрызть его. Может, всё обойдётся?

Снова возвращаюсь к своему портфолио и прокручиваю примерный график. Заканчивать всё сейчас точно нельзя... да и, чёрт возьми, не факт, что я не вылечу из “ЛавБуквы” уже завтра. И где тогда искать бабки, пока буду перерывать вакансии? Кто за меня заплатит? Ха, никто и никогда не платил.

Потому думаю написать здесь Алине, пока она ещё работает и мониторит, и извиниться за мою вспышку, но вздрагиваю, вдруг увидев одно непрочитанное сообщение. И кажется, мне можно предугадывать ход событий, но написавшим и правда оказывается именно тот, кого я не могу выкинуть из головы:

21:20 v_ad: “Привет, Алён. Красивое, кстати, имя. Тебе подходит.”

Я выдыхаю, подув на руки, которыми тут же закрываю лицо. Нет, точно отвечать не стану, вот просто ни за что! Какие у него доказательства, что это вообще я? Там же маска, блин. Может, это моя... несуществующая сестра-близнец.

Хочется закрыть ноут, но новое оповещение в наушниках не даёт это сделать:

21:23 v_ad: “Нравится у нас работать?”

Ну чёрт возьми... как из всех возможных моих фолловов в их числе нашёлся мой далеко вышестоящий начальник? А тот будто читает мысли, продолжая наслаждаться мною прочитанными:

21:24 v_ad: *“Боишься, что я уволю?”*

Медленно опускаю пальцы и всё же набираю краткое:

21:25 greykokoro: *“Да. Уволите?”*

И даже по одному ответу ясно, что где-то там он надо мной смеётся:

21:26 v_ad: *“Могу. А ты можешь перестать Выкать. Вчера получалось прекрасно.”*

На это сдержаться не получается, так что приходится быстро строчить, проклиная его за весь грозящий армагеддон.

21:27 greykokoro: *“Не врите, я не тыкала.”*

21:28 v_ad: *“Ах ну да, если твоё «мог бы и не опаздывать» - это не переход на “Ты”, то конечно” - ещё и прикрепляет смайлик в конце.*

Улыбается, видите ли... да явно ржёт там, забавляясь над этим.

21:31 v_ad: *“Знаешь, что сейчас делаю? Смотрю наши снимки. Мы хорошо смотримся даже не ретушированными. Наверное, если опубликую хоть одну, мне будут завидовать ещё больше. А тебе?”*

Пока мои глаза округляются и руки проверяют почту, где я, конечно же, не нахожу письма от фотографа с полароида-

ми, которые этот мог бы смотреть, он добавляет:

21:34 *v_ad*: *“Ты заметила, что становишься популярна? Не хочешь заканчивать? А то, кажется, я уже ревную.”*

Перечитываю ещё раз и панически пробую отписаться:

21:36 *greykokoro*: *“Не смешно. Прекратите мне писать, пожалуйста.”*

Жаль, что здесь нет блокировки аккаунта. А он будто и не заметил.

21:37 *v_ad*: *“Фото проверила? Я как раз с утра просил у Герыча не высылать тебе пока ничего, едва ли он бы ослушался. Хочешь, посмотрим всё вместе? Приезжай, знаешь же уже куда.”*

Ха-ха, это из разряда намёков типа “кино посмотрим”? Чёрт, просто противно!

21:39 *v_ad*: *“Пока что нет? Тогда доброй ночи, мышонок”*

Выдыхаю, пропуская по телу пробивающие моё мнимое спокойствие импульсы. Те скатываются прямо до кончиков пальцев и еле разрешают существовать. К чёрту его! Пока не уволили и ладно. Но похоже стоит искать новую работу. Особенно, если этот станет преследовать.

И почему я должна уступать что-то из выгрызаемого в угоду какому-то избалованному богачу? Что он вообще в жизни знает?

Закрываю крышку ноутбука. Убираю его на табуретку рядом с кроватью, гашу светильник и ложусь на подушку, думая, может, и правда стоит заканчивать? Но денег на всё у

нас с мамой по-прежнему не хватает.

Блин, да именно поэтому я и хотела цепляться за постоянное место в их фирме, а не слоняться на подработках в роли девочки на побегушках и не фотографироваться на первых попавшихся под руку съёмках... неужели, правда, придётся уходить?

Ко 5. Подойди ко мне

greykokoro.

Просыпаюсь утром крайне разбитой, просто заставляю себя на автомате умыться, причесываться и завтракать, пока мама не вернулась с ночной. Та возвращается, как всегда, еле передвигаясь, и отдаёт мне ключи, уходя сразу отсыпаться. Как её не тошнит ещё от этих тарелок? Даже не знаю...

Закрываю нашу дверь на замок и спускаюсь к скутеру, думая заехать заправиться. И уже через час добираюсь до работы. Захожу в кафетерий, покупаю самый дешёвый салат на обед и встаю в очередь ждущих лифт. Рядом со мной остаётся Мишель, пришедшая к нам месяц назад. Вчера она мельком сказала, что кто-то из змеюк говорил, мол её примут в штат на следующей неделе. И я порадовалась, но чёрт... я смогу оказаться там же?

— Привет, - пробую улыбнуться.

— Ты всё на диете? - Кивает в сторону капустного, потягивая молочный коктейль.

— Не, просто... так захотелось.

— Ну ты же вообще как пушинка. - Подталкивает меня в бок, рассмеявшись. - Ветром сдует. Ешь больше, Алён.

Кивнув, делаю шаг ближе к лифту. Та становится рядом, продолжая что-то мне говорить. Я изредка киваю, приближаясь к заветной кабинке.

— Слышала, тебя вчера Михална шпыняла?

Слухами земля полнится...

— Можно и так сказать.

— Блин, страшно было, наверное, да? Она ж может сделать так, что с тобой не подпишут постоянный договор, ты понимаешь?

Конечно, я понимаю. И не только она может меня вышвырнуть.

— Ты уж с ней поосторожнее...

Позади нас шушукаются из редакторского. Некоторые работают с бестами. Именно к ним я хочу попасть спустя время, но опустевшее место, которое принадлежало Таисии, займёт кто-то ещё. Я очень хочу верить, что когда-то выслушаюсь до него.

Спустя пять минут моего молчания и одиночества мы наконец заходим в выделенный нам уголок. Я включаю компьютер, отмечаясь на рабочем портале. Выключаю звук у мобильного и дожидаясь восьми часов, начиная получать поручение за поручением.

Мишель уходит за кофе и приносит мне кружку. Я даже успею поблагодарить, но вдруг замираю от мелодики голоса позади...

— Доброе утро, наши маленькие феи!

Закрываю лицо руками, выдохнув и сжавшись. И только после заставляю себя повторить за вспыхнувшей “подругой” рядом:

— Доброе утро, Вадим Денисович.

Миша вскакивает, кланяясь ему чуть ли не в пол. А я еле позволяю себе обернуться на кресле. И смотрю на что угодно кроме его лица.

Например на его ремешок часов, сочетающийся с виднеющейся кожей ремня. Возможно, это окрашенная в черное змея... ну или крокодил, я не разбираюсь. Серая тройка, кстати, шикарная. Явно не куплена в масс.маркете. Может, даже пошита по фигуре в каком-нибудь ателье? Но о затратах на один его лук даже думать страшно.

А он, прислонившись к перегородке, отделяющей нас от коридора, будто ждал, когда я решусь взглянуть более уверенно:

— Как ваши дела? - Говорит, продолжая давить полуулыбкой.

— Ой, прекрасно! - Хлопает в ладоши девушка рядом. - А Ваши?

На кой-то чёрт явившийся решает ответить, даже не отрывая взгляд.

— Тоже... прекрасно. Любите свою работу?

Отвечаю согласием снова не я.

— Это здорово, - строит из себя галантность, вдруг приблизившись.

Останавливается возле стола, пока не решаюсь даже вздохнуть, и вдруг тянется за меня, мгновенно распрямляясь обратно. И сердце ухает ниже возможного, когда в его руках

оказывается моя любимая кружка...

Этот... Вадим Денисович, будто подобное в порядке вещей, пробует явно ещё горячий кофе и даже его глотает.

— Вкусно. Я пью, кстати, такой же.

Мишель воодушевляется пуще прежнего, пока моё лицо пытается прийти в штатное выражение.

— А это я его сделала! - Щебечет Мишка. - Вот как раз только что!

Мой персональный Ад, а точнее его покровитель, наконец смотрит на неё и топит в ухмылке, скользнувшей по явно грубым губам:

— Какая ты молодец.

Девушка кивает, начиная смущаться. Тот, видимо, этого и хотел.

— А ты... - снова в мою сторону, - Алёна Максимовна, зайдите после обеда ко мне в кабинет.

Не дожидаясь ответа, явно намекая, что у меня и так не было выбора, отдаёт кружку Мише и разворачивается, быстро покидая мою зону безопасности.

Сердце наконец начинает стучать ровнее... хохотушка же треплет мне руку и говорит:

— Да бедная моя! Тебя уволят?

Жмурюсь, проглатывая ком и заставляю себя сжимать губы в полосу... тихо, всё будет хорошо... всё будет нормально.

Заставляю себя отвернуться к компьютеру и не реагирую.

вать на сочувствие рядом. От него веет собственным превосходством, и Мишка даже не пытается это скрыть. Я её не виню. Каждой из нас нужна здесь должность. Едва ли сама бы была с ней искреннее, в конце концов, мы просто работаем вместе.

К моему счастью, снова загружают делами, и я бегая между этажами, пропуская обед и опять не успев съесть свой капустный салатик. И от голода уже хочется выть! Так что, толкая тележку с только отпечатанным тиражом нового популярного современного любовного романа, читаю название как-то неправильно.

Тряхнув головой, понимаю, что эта "Девочка" стала "Сладкой булочкой" и почти скулю, запихивая себя вместе с этим кладом в, к счастью, пустой грузовой лифт. Вот сейчас нужно спуститься на третий, упаковать всё по коробкам и проверить адреса. А потом загрузить машину у СДЭКа, взяв с собой других стажеров с тринадцатого и шестого. Хорошо, что там хоть парни. Но следить за отправками нужно будет мне. И это здорово... но как же хочется кушать!

Спустя два часа, проверяя последнюю коробку и разрешая Диме с шестого этажа положить её в кузов газели, отдаю не нашу накладную нашему подрядчику и провожаю того взглядом, мысленно молясь, чтобы этот тираж доехал до адресатов нормально.

Благодарю ребят и прощаюсь, заходя в двери офисного центра. Решаю воспользоваться лифтом... дальше ничего

сложного - надо просто отсканировать наш вариант бумаг, отдать оригинал курирующему редактору и на всякий случай отправить по почте сканы в бухгалтерию, а заодно в отдел реализации. А... да, ещё закрыть задачу, поставленную отделом транспортных перевозок. Кстати, почему они не отправляют всё сами? Не справляются с объемами? Может, к ним попроситься, если там есть место? Но парней тогда почему не принимают? Хотя это только я тут так долго просигаю штаны в роли стажера.

Боюсь, как только закончится испытательный, так и исчезну, не закрепившись...

Поднявшись к нам, подхожу к компьютеру и вздрагиваю, когда позади возникает Мишель с кружкой кофеёчка.

— О, ты наконец-то пришла? - Улыбается шире, падая за свой стол.

Стягиваю кожанку и киваю переобуываясь. Пока не забылось, решаю сначала отсканировать накладные. Отправляю их к нам в облако и уже думаю уйти до редакторского, как вдруг Мишка напоминает о больном:

— А ты до Вадима Денисовича-то сходила? - Улыбается. - Он вроде тебе писал...

Мотаю головой, выдохнув и всё же приблизившись к горящему экрану монитора. Я же его гасила...

— Ну просто... - отмахивается Мишель, - у тебя наушники были громко включены, так звуковые достали, ты бы знала! Я убавила и всё!

Сжав губы, киваю, не собираясь заикливаться на этом. Открываю портал и вижу сбоку появившийся кружок с его физиономией. Три непрочитанных... и похоже одно успешно открытое кое-кем рядом. Моя напарница пробует делать вид, что жутко занята, не поймав мой брошенный взгляд.

Этот “Вадим Денисович Ронин” от просьбы переходит к требованиям прийти к нему. Твою мать, сегодня меня точно уволят! Придётся идти... смотрю на часы, замечая на них без пяти пять. В моих руках дрогнут листы, которые надо бы донести, а ещё желательно разослать всё. Быстро нахожу скан, открываю свою почту и отправляю по нужным адресам копию, на всякий случай ставлю в адресную строку ещё и емэйл нужного редактора. Так, теперь занести и дойти до этого мерзкого босса, если он ещё будет там.

— А давай я сбегаю с накладной до Насти, Алён? А то ты же не успеешь, да?

Прикусив губу, миг думаю, но уже без трёх минут. Если я промедлю ещё немного, все сбегут отсюда, и завтра меня точно пропесочат с утра по полной. Как он, так и Анастасия Захаровна. А потом выдадут скудные расчетные.

— Спасибо, - выдыхаю, принимая помощь и вручив оригинал уже готовящейся к старту Мишель.

Она отмахивается и выбегает в коридор, а я выползаю следом, заодно проследив, что Мишка повернула в нужном направлении. Только после выхожу на лестничный пролёт и поднимаюсь на этаж выше, о котором могла только слышать.

Киваю там новенькой девчонке, имя которой ещё не знаю. Та откладывает свою сумку, вздыхает и спрашивает мои ФИО с должностью, сверяется со списком, следом пропуская к диванчику, заодно показав мне нужный кабинет.

Тут красиво, кругом дорогие материалы, а не простенькая краска, как на этажах ниже. Но не могу сказать, что этот шик мне хоть чуточку импонирует. Скорее я даже места боюсь найти, ожидая, когда над моей головой упадёт нож гильотины.

— Ммм, - побуждает вздрогнуть мужской голос, - пришла наконец.

Я оборачиваюсь, встречая направленную на меня ехидную улыбку, оголившую ровный ряд белейших зубов.

— Здравствуйте, - шепотом.

Он кивает, а у самого глаза блестят странно-странно...

— Сейчас я нашу милую Аллу домой отпущу и пройдем ко мне, да, Алёна Максимовна?

Снова не ждёт ответ, уже улыбаясь секретарше. Та смущается, словно это у них не в порядке вещей. А этот, будто выполнил что-то важное, хмыкает, ускользывая из зоны моей видимости. Приходится попрощаться с его Аллой и зайти за ним.

Ох мамочки... как много тут места, даже и не сравнишь с нашим закуточком. И как и в его квартире, стены облеплены светлым мрамором. Да уж...

Не знаю, что мне говорить. Наверное, надо как-то оправ-

даться за непрочитанные...

— Я... если что... - мои извинения летят до его спины и тут же отскакивают, оказываясь непринятыми, - не видела ваших сообщений, отправляла тираж. Вот только освободилась.

Мой босс почему-то не садится на своё массивное кресло, а останавливается возле, указав взглядом мне подойти.

— Хочешь сказать, что была очень занята, да, Алёна?

Киваю, приблизившись.

На его лице вдруг промелькнуло что-то странное, хотя он продолжает же улыбаться:

— Хочешь сказать, ты более загружена, чем я, Алён? Поэтому должен был тебя ждать? Во сколько я сказал подойти?

Важный индюк...

— После обеда.

— Сейчас, - смотрит на наручные часы, уточняясь, - “после обеда”? Или у тебя другое летоисчисление, и мне нужно было уточнять день?

Мотаю головой, на что он довольно ухмыляется, явно насладившись моментом. Не зря о Ронине ходят все эти слухи... хотя я виновата, признаю.

— Садись, - вдруг указывает на своё место.

— Куда? - А надо бы спросить “Зачем”.

— Куда показал, Алёна Максимовна.

Ладно... всё же решаюсь...

— Зачем?

И ему явно нравится мной командовать:

— Затем, что я так ска-зал.

Ко-зёл.

— А... - пытаюсь не реагировать и не кривить лицо. Вы-ходит так себе.

— Садись уже, - повторяет более строго. Даже отодвигает кресло и встаёт позади него.

Вцепляю ногти в ладошки, тихонечко подходя. Оглядыва-юсь и, получив никому не нужное одобрение, сажусь на край не в силах даже подумать о том, чтобы расслабиться здесь.

Да и этот ещё вдруг тянется через меня к клавиатуре и нажимает на "enter", запуская жужжать тут же вспыхнувший встроенный проектор, медленно умиротворяющий здесь свет.

Итак, на справку!

Я сижу в кабинете своего могущественного босса в почти полной темноте. Он стоит рядом и непонятно что удумал. И это пахнет нотками харассмента, особенно, если учиты-вать всё тот же плакат в его квартире.

Думаю, мне стоит хотя бы намекнуть на это, но даже не успеваю сформулировать мысль, как сердце ухает в пятки, когда на выбеленной стене (единственно не покрытой ничем кроме краски) появляется моя фотография. Вчерашняя. Не ретушированная... это просто портрет крупным планом. В нём нет ничего такого. Можно даже подумать, что девушка в моей черной маске - это не я.

У этой "неизвестной" более яркий макияж, эпатажные

стрелки, пёрышки ресничек, наклеенные нашим визажистом за час до съёмок, и волосы отутюжены прямыми прядями, точно не похожие на то, что творится с моей копной к концу сегодняшнего рабочего дня. Но мы оба уже всё поняли...

— Добился своего, значит, - шепчу, чувствуя, как тот обходит за мою спину и вдруг выкатывает своё дорогущее кресло вместе с моим телом к краю его стола.

А сам, пока я цепенею, огибает и тут же рядышком присаживается на явно дорогую столешницу.

— Чего я добился, Алён? Ты же ночью ко мне не приехала.

Из лёгких вылетает свист... Су...масшедший день. Проглатываю ответ, решая молчать. Только этот странный мужик хмыкает и разрушает мнимую тишину:

— Ну как? Нравится на себя смотреть?

— Нет, - мой голос бурчит, хотя я пытаюсь не казаться резкой. Может и стоило...

— Тогда листай, - его едва освещенный силуэт поворачивается ко мне, - не просто же так здесь сидишь.

Ммм, как всё придумал. Тяну левую руку к явно дорогой клавиатуре и нажимаю едва подсвеченную стрелку вправо. Слайд мгновенно меняется, и я отвожу взгляд, лишь бы не смотреть теперь уже на его портрет. К сожалению, по пояс.

— И нашли же где-то одежду...

— Да, - довольно отвечает, снова чуть повернув голову, - мой брат явно старался. Согласись, мне идёт?

Ещё бы ему не шла кожаная портупея скользнувшая линиями по голому, проработанному прессу и обхватившая его, мамочки, широкие плечи. Молчу уже про едва заметные здесь латексные штаны. Не-е-ет, я реально и на минуту не сомневалась, что он из профи, пусть и начинающих... не раскрученных, но профессионалов. Из того дотошного ранга, о которых лучше сразу забывать после съёмки.

— Ну что молчишь, крошечка-кокорощечка?

Шумно вдыхаю воздух и заставляю себя нажать на стрелку ещё раз. Проектор сменяет на первый совместный, который ни за что не стану разглядывать.

— Если из-за вчерашнего себе что-то надумали, - говорю, - то Вы ошибаетесь... так что не надо меня так называть.

И это заставляет его засмеяться, обернувшись и взглядевшись в мою сторону.

— Да? А как хочешь? "Мышонок"? Сойдёт?

— Не издевайтесь.

Хмыкает, приструняя:

— Листай тогда дальше. И не надо здесь нос свой воротить.

Да что ж он такой ужасный-то? Чего пристал?

— Прекратите, - шепчу, больше не выдерживая.

— Всё прекратить или что-то в частности?

— Всё.

— О, ты явно не понимаешь, о чём меня просишь!

— Вадим... Денисович... пожалуйста, - повторяю, реша-

ясь взглянуть в тьму, до сих пор изучающую мой страх.

Он вдруг встаёт и хлопает в ладони, приказывая свету явиться. И на стене блекнет наше совместное... но даже сейчас взгляд на снимке и этот - рядом - совпадает. Композиция из бликов и тени, на которой мы просто изучали друг друга тогда эту дикость вполне позволяла. А сейчас - нет, так нельзя смотреть! Нельзя взглядом касаться...

Выдохнув, думаю встать и отойти, но мужчина мотает головой.

— На три дня ты уже осталась.

— Что?

— Три фотографии - три дня.

— Это... - задерживаю резкий ответ, пытаюсь молчать, а он кивает, явно насмехаясь над реакцией, - неправильно. Так нельзя!

— А как нужно? - Наклоняется к моим ногам, в последний миг увернув руку и нажав на кнопку выключения системного блока.

Тот зашумел, проживая последние секунды и разрушая возникшую тишину. И всё же я решаю ему ответить, усмиряя собственную дрожь:

— Никак не нужно.

— Ну “никак” не смогу, прости. - Опять улыбается он, высылая привет вновь выпущенной в меня насмешке...

Боже, какой же странный!

Ро 6. Это опасно

v_ad.

Находиться наедине намного сложнее, чем чувствовать её рядом, когда кто-то сосуществует ещё. Твою мать, позавчера возле нас крутилась та группа из фотографа, помощников, осветителей. Вчера брат на кухне напоминал о реальности. С утра эта пустоголовая пищалка врывалась со своими уточнениями по поводу кофе.

А теперь ни-ко-го.

Никого, кто мог бы вернуть меня в нормальное русло. Это тяжело. Каждое движение приходится контролировать, лишь бы не позволить себе её коснуться или, пуще, кинуть на стол. А хочется... особенно узнав в понедельник, какая на ощупь её мраморная кожа. Алена даже лучше, чем простая фарфоровая кукла, которую хочется... разбить, боготворить, изучать, хранить, любить - что? Или просто хочется?

И запах этот её... не приторный, не отталкивающий, скорее пленяющий. Я бы им, наверное, сутками напролёт дышал, пока бы не начало тошнить.

Сейчас гаснет одна из постановочных фотографий, от которых до ночи не мог оторваться, - где пальцы дотрагивались её не снимаемой маски, а вторая рука вцеплялась в её запястье. Но как ни сдавливай, эта мышка скользила по мне безразличием, просто слушая то, что ей говорила какая-то

девица, имя и лицо которой даже не вспомню.

Алёна явно привыкла к съёмкам, а я же до сих пор не могу понять, как не расплавился там под щелчки объективов и светом ламп, как пережил всё до поздней ночи. Это просто безумие.

И то, что эта девушка сейчас до сих пор сидит на расстоянии вытянутой руки, не менее безумно по сути своей.

Каждое её слово будоражит и вытаскивает наружу мурашки, которые я чёрт знает сколько не чувствовал. Даже дыхание думает срываться, делая из меня мальчишку лет пятнадцати. Нормально так? Явно нет.

— Ладно. На сегодня закончим. - Пропускаю мимо её говорящий выдох. - Завтра у нас с тобой среда, после обеда не задерживайся.

Встаёт и явно думает над ответом.

— Что? - Помогаю сам.

— Мне... нужно просто посидеть и посмотреть сны, да? Провожу языком по зубам, кивнув. Алёна же уточняет:

— Точно? И всё? Вы точно прекратите?

Киваю ещё раз, задумавшись. Возможно, и так.

— Просто с этого файла и до конца, да? Один раз? Верно? И я буду здесь спокойно дальше работать?

Какая дотошная...

— Ты ещё договор от меня попроси, Алён, в котором мы всё это пропишем.

Попыталась скрыть улыбку, заставившую меня заме-

реть...

— Это хорошая идея! Его можно было бы заверить у юристов?

И её чуть поддающееся ко мне тело можно было бы счесть за флирт, но едва ли она это заметила. Сука, тяжело... себя контролировать.

— Так, - говорю жестче, сделав шаг в сторону выхода, - уходим. Или хочешь остаться?

Ясное дело, не хочет. Вырывается из кабинета быстрее, чем я дохожу до дверей. Приходится даже окликнуть, пока та не скользнула к лестницам.

— Алёна Максимовна, завтра. Не забудешь?

Замирает, явно заставляя себя повернуться и кивнуть.

— Только у меня... - за молчанием следует явно намёк на загруженность, но второй раз ошибку не совершает, - в общем, я могу опоздать?

— Что такого трудного в том, чтобы вместо своего рабочего места после обеда подойти сюда?

Говорит тихо, отведя в сторону взгляд:

— Я не успеваю обедать обычно.

— Ммм, - тяну, складывая слова в значение, - а сегодня?

— И сегодня.

— Ты ела хоть что-то?

За ответной реакцией даже смешно наблюдать, она сначала мотает головой, а потом спохватывается, кивнув. Как говорится в той детской фразочке? “Первое слово дороже вто-

рого”, кажется?

Усмехнувшись, всё же решаю, что на сегодня с меня достаточно. И так придётся добираться до дома с напряжением в ненужных местах. Если ещё хоть на миг её задержу, до квартиры спокойно точно не доберусь. И идея закрыться в уборной здесь уже не кажется такой отвратной.

Алёна стоит же и ждёт разрешения, чтобы уйти. Да чёрт... то её не дождёшься, то не выпроводишь.

— Тогда в обед. Завтра. И будь добра, на этот час делегируй дела. Скачи как белка, можешь хоть вокруг планеты обернуться, но чтобы в двенадцать была здесь, ясно выразился?

Растянув губы в явном презрении, кивнула.

— Хорошо, - остаюсь псевдо довольным, указывая взглядом в сторону двери за её спиной.

Можно и не превращать жест в слова, та прекрасно справляется с первого раза - сбегает на лестничную клетку, оставляя меня одного.

Выдохнув и почувствовав более привычный привкус разочарования на этот раз из-за её ухода, спускаюсь на лифте до парковки. Подхожу к своей машине и замечаю её одиноко скучающий скутер на дальних рядах.

Надеюсь, Алёна не сильно голодная... да и завтра похоже придётся проследить за её поглощением чего-нибудь во время обеда. Как можно вообще не обедать? Как это безумно красивое тело можно не кормить?

Только вместо благих мыслей я откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза и пытаюсь ничего себе не позволить, прогоняя мысль за мыслью о том, как, наверное, будет красиво, если та будет кушать что-то рядом со мной...

Сглатывать, откусывать, прикусывать, облизывать... ммм, рыкнув и до боли согнувшись к рулю, пробую отдышаться и не заходить дальше. Трудно, блин.

Она спускается на лифте спустя семь минут, которые я за чем-то жду. Замечает меня в салоне единственно оставшейся тачки и ускоряет шаг, пока я трогаюсь с места. Преодолев свои попытки усмирить себя, резко выжимаю тормоз прямо напротив. Зря. Надо было уехать!

И ей остался лишь ряд до её сомнительного транспорта. Она могла бы сейчас испугаться и убежать, но лишь замирает, поправляя куртку, и делает шаг в сторону. Один. Единственный. Шаг. От меня. Я пытаюсь заставить себя выжать газ, но не могу, не контролируя ни-че-го, даже дыхание.

— Алён, - сглотнув, окликаю, как только стеклоподъёмник слушается под моим указательным.

Эта мечта замирает возле морды автомобиля. Мне ничего не стоит выжать сейчас газ и задавить её, лишь бы больше так не мучила одним своим существованием на этой планете... но делать больно хочется явно не здесь и желательно раздетыми.

— Можно, - сглатываю вновь, - тебя подвезти?

Явно испугавшись, мотает головой и бросает короткий

взгляд в сторону мопеда.

— С ним ничего не случится за ночь, честно. Здесь хорошая охрана, если ты боишься.

— Да нет... я... у меня...

Не выдерживаю, повышая тон:

— Подойди уже ближе, блин. И ответь нормально.

Она прищуривается, но всё же делает шаг в направлении места, от которого только что ушла.

— Что ты говоришь? - Спрашиваю, продолжая на неё по-мальчишечьи засматриваться.

Как? Вот как даже в этом всё́м она может оставаться для меня привлекательной? Настолько привлекательной. Чудовищно просто.

— Я... - решается посмотреть на моё лицо, зря, кстати, - не поеду с Вами.

— Да? Почему? Из этого же ничего не вытекает. Доберёшься явно быстрее. Довезу, куда скажешь... с комфортом и в тепле.

Пока какой-то наивный и добренький мальчик расплескивает речи из моей поганой души, черпая полную муть, она мотает головой, верно поняв, что я точно вру.

— У меня мама...

Что “мама”? Строгая? При чём тут вообще мама, я ж не украл ещё.

— На работу на нём поедет через два часа. Извините.

И пока пытаюсь сообразить, что сейчас вообще услышал,

эта мелочь пузатая сбегает в своих берцах в сторону этого чмошного транспорта.

— Стоп! - Я уж опять повышаю голос, выбираясь из машины.

Не знаю, на что мне это, но пока та, не сбавляя шаг, оборачивается и мотает головой, явно думая убежать, я принимаю ещё одну попытку:

— Либо ты садишься, либо завтрашний показ обнуляем. А вместе с ними и все твои возможные дни.

Ха, верит. Реально верит, что я её уволю? Я вроде не настолько говнюк. Или настолько? Цепенеет, перестав казаться в себе уверенной. Пробует оглянуться в сторону двухколёсного, потом упирается взглядом в мою пассажирскую дверь, наверное, мысленно сдирая с той черное лакокрасочное.

— Алён, я не шучу.

— А скутер-то я куда? - Бросает мне, точно сравнивая меня с чокнутым и поехавшим на всю голову.

Так, пожалуй, и есть. Но я на кой-то хрен всматриваюсь в габариты и оцениваю литраж своего огромного багажника. Ну вот чисто теоретически... если сложить ещё и второй ряд, угандошив этой грязной тарабарщиной светлый салон, то, может быть, что-то и получится... да молодец, Вадим, вот прямо-таки не зря покупал себе в том году Х7! Прямо пригодился!

Почему бы просто не отпустить её сегодня, а? Зачем так всё усложнять? Сука, и не могу же иначе.

Ко 7. Постарайся не существовать

greykokoro.

Я понимаю, как это глупо с моей стороны, только тогда, когда оказываюсь заперта с ним в одной ужасно сковывающей меня машине. Пусть над головой целый небосвод, и это не авто, а танк, но всё равно дело же не в этом! И этот странный начальник, не боящийся ставить свои чертовы условия, видимо, тоже жалеет, что я рядом.

Но сам же захотел... сам мучился с колёсами маминого скутера. Сам поднимал его и запикивал, пока я просто стояла и думала, как сбежать. Никак. Вообще никак.

Может, он не настолько уж и извращенец... просто посмотреть с ним фото - это же не страшно, верно? Ничего такого... да и на фотосете между нами не было ничего особенного, ничего, что переступало бы черту. Ну подумаешь взятая напрокат одежда. В конце концов, я даже прилично выглядела... подумаешь, всё обтягивало. Не голая же...

— Ты слишком шумно думаешь, Алён. Либо говори вслух, либо хватит вздыхать и уверять себя в чём-то.

Как смешно! Фыркнув и повернувшись к окну, вздыхаю ещё раз просто специально назло ему. Мне не нравится, что он ставит условия. И не нравится нарушать стёртую грань рабочих взаимоотношений.

Честно говоря, этой грани как-то с первого взгляда и не

случилось... но терпеть такое - просто страшно. Страшно, что всё это зайдёт туда, откуда я не сумею выплыть. Если оно уже не зашло...

— Ну я что тебе сказал сейчас? Хватит уже.

— Извините, - шепчу, зачем-то проведя линию по стеклу, будто та меня от чего-то уберёжет.

Блин... поворачиваюсь к нему, думая, зачем вообще здесь чего-то дотронулась, но он, кажется, и не заметил. Так что успокоившись, сажусь ровнее, внушая себе, что сейчас просто добираюсь из точки А в точку Б. Ничего особенного... меня просто подвозят.

— Ты всегда такая?

— Какая?

Хмыкнув, останавливается у первого перекрёстка.

— Неважно. Либо говори со мной, либо сиди не дыша.

— В смысле? Не дышать? Я умру! Это возможно? - И пробую оправдаться, получив его ухмыляющуюся морду. - Ну глупая же фраза... можно я... телефон проверю?

Он кивает, выжимая газ на зелёный. Вытаскиваю из кармана кожанки смартфон, но тот вдруг выскальзывает из рук и с грохотом приземляется прямо на консоль между нами. Сглотнув и мысленно прокляв свою косорукость, тянусь за ним, но этот Вадим Денисович решает сделать это же, явно случайно соприкоснувшись с моей ладонью.

Миг замер, я выдыхаю...

Одёргиваю себя быстрее, чем сама понимаю. И делаю вид,

что вообще ничего не произошло. Только он почему-то резко выруливает вправо, нарушая к чёрту правила перестроения.

Встаёт на аварийку и прикусывает губу, зажимая до скрипа кожу руля, напрягая каждую мышцу так, будто ему до жути больно. Словно касанием я его ударила 220 сейчас.

— Вам... плохо?

— Замолчи! - Гаркает с рокотом, но тут же шипит сам себе. - Блин, помолчи, пожалуйста, - произносит более миролюбиво, - отвернись и сиди спокойно. Молча, Алёна. Поняла? Мол-ча.

Боже, как это странно и страшно одновременно... думаю коснуться ручки двери и выйти, но скутер одна и без его помощи отсюда на этом шоссе я точно не вытащу. Потому проклиная всё, отвернувшись к окну, как он и приказал. Просто пытаюсь считать гул от машин, пролетающих мимо, пока тот не скажет хоть слово. Что, блин, с ним такое? Он вообще понимает сейчас что-то? Ужас...

Я чувствую, как пытается выровнять дыхание. Дышит глубже снова и снова. Выдыхает и задерживает секунды. Едва слышно матерится и опять сжимает ни в чём не повинный руль.

— Может, Вам скорую вызвать?

Сглатывает.

— Нет. Помолчи. Минуту дай. Помолчи и не существуй тут уже...

Опять эти идиотские словосочетания. Мой телефон так и остаётся ждать, когда мне разрешат шевелиться, так что приходится повторять про себя заученные за сегодня названия книг. Тут же вспоминается “Сладкая булочка”, и именно из-за этого мой желудок скручивает до, наверное, почти схожей боли. Может, он тоже, как и я, голодный? Думал себе о каком-нибудь кровавом бифштексе? Ну мало ли? А ещё он, кажется, услышал оду еде. По крайней мере, в тот миг, когда я стукнула ладонью по животу, этот Вадим Денисович шумно усмехнулся, позволяя посмотреть на него.

Не надо было, наверное... он замер, улыбнувшись искренне. Поднялся взглядом к моему лицу и помотал головой, не сказав ничего, что могло бы убедить меня в том, что он все-таки редкостный самодур. Сейчас он показался даже... милым? Нет, не опасным. Но это, конечно же, бред.

— Ты же поешь дома, верно?

Наверное, точно голодный. Но на вчерашние котлеты я его ни за что не позову.

— Да, - тихо отвечаю, смотря на то, как он кивает и наконец трогается с места, выруливая на покинутую много мгновений назад полосу.

Это всё очень странно от А до Я, но мне лучше молчать и не задавать вопросов, на которые не хочу знать ответ. В конце концов, здесь не так уж и далеко. Остались лишь четыре длинных квартала, которые его машина преодолевает значительно быстрее всех моих личных поездок.

И я просто смотрю на небо, уже склоняющееся к закату. Красивое... ещё немного, и будет темно, зажгутся фонари и вспыхнут окна чужих жизней. К счастью, мы трогаемся на каждый ожидаемый зелёный без слов, словно я и правда просто еду в такси премиум класса. Интересно, во сколько мне обойдётся эта поездка и смогу ли вообще расплатиться?

О нет, о таком лучше и не думать.

Он выруливает в нужном направлении, сориентировавшись в наших многоэтажках. Всматривается в даже не указанный мною номер дома, и я вдруг понимаю.

— А Вы... из дела узнали адрес, да?

— Ну ты же мне ничего до сих пор не назвала, Алён.

— Я... перепугалась.

— Понял уже. Так мы верно приехали или мне выбрать другой тебе знакомый дом?

— Какой дом?

Он вмиг ухмыляется, посмотрев на меня, как на ничего не понимающую дурочку.

— Мой дом. Мою квартиру. Мою кровать, - но тут же сам одёргивает себя, пока я не начала краснеть, - так... забей. Будем считать, что ты ничего не слышала.

Буду считать, что у всех этих мажоров идиотское чувство юмора. Фу, блин...

— Угу, - потираю лоб, считая секунды до того момента, как можно будет вылететь отсюда. Айщ, ещё скутер доставать...

— Какой подъезд? - Уточняет, словно, и правда, ничего похабного сейчас и не говорил.

— Третий.

— Хорошо, - позволяет машине медленно подкрасться сквозь колею застывшего льда и снега.

Останавливается, и я уже думаю выскочить, но Вадим вдруг одёргивает:

— Стоп.

Ну ауф... зажмурившись и сделав крестики пальцами рук, боюсь повернуться и услышать что-то об придуманной им оплате.

— Телефон, Алёна.

— Что? - Всё же смотрю на него.

А он, кстати, рассматривает дома и засматривается на старую детскую площадку, будто выглядывающая из сугроба советская горка - это произведение искусства.

— Телефон заberi, - уточняет, заставляя вспомнить об утерянном.

— А... да... а Вы скутер достаньте, пожалуйста...

Кивает, нажимая на кнопку открытия багажника. И я наконец вылетаю из машины, прыгая прямо на занесенный снегом разбитый асфальт. Вадим Денисович выходит, даже не заглушив двигатель, и пробирается по плохо очищенным тропкам, явно жалея, что вообще сюда заехал. Да, это не его элитка, у нас экскаватор появится, в лучшем случае, в конце недели.

Добравшись вытаскивает мой транспорт одним рывком, словно тот ничего и не весил. Опускает его на свои родные колёса и ждёт, когда я приму его.

— Спасибо, Вы тут лучше не разворачивайтесь, проедьте по кругу мимо домов и спокойно выберетесь на шоссе...

Обрывает, не давая и шанса сбежать досрочно.

— Завтра без двадцати восемь к подъезду выйди.

— Зачем...

— На работу отвезу, не глупи.

— В смысле?

Вспыхивает...

— Да в коромысле, Алёна.

— Нет, я... - делаю шаг назад, откатывая колёсики скутера, - мы же на раз договорились.

— Передоговорились уже.

— Это не смешно...

— А тебе хоть раз со мной хотелось смеяться?

Мотаю головой, чувствуя себя обманутой.

— Так. Всё. Завтра без двадцати, если хочешь ещё у нас работать.

— Но...

— Ты плохо слышишь? Заплачь тут ещё.

Да что за хам?

— Я... - выдыхаю, пробуя заставить себя выговорить, - мы опоздаем. Это Вам можно приходить во сколько захочется...

— Успеем, - говорит, опять улыбнувшись и наконец уби-

раясь в этот паром, что только ради приличия можно назвать машиной.

Успеем? Ехать с ним? Да конечно... лучше сбежать на край света, чем приехать в наше здание на одной тачке с этим тупорылым боссом! Спасибо, но я не хочу похоронить самолично свою даже не начавшуюся толком карьеру.

Но он, конечно, пусть думает так, как хочет. Его же все эти возможные слухи толком и не коснутся. А с меня довольно.

Ко 8. Согласись, если я помогу

greykokoro.

Зевнув и посмотрев на часы на рабочем столе, с трудом не проклиная себя, приехавшую на работу за сорок минут до этих без двадцати.

Если он не передумал, не соврал, не умер за ночь, то сейчас этот босс-средний ждёт меня возле моего дома. А я тут... наверное, меня обматерят и испепелят. А потом уволят.

Ну пора бы уже свыкаться с последним, а не вестись на его угрозы, как наивный ребёнок.

Уволит? Да окей. Буду искать нормальное место ещё полгода? Да и ладно... да и чёрт. Ну почему вообще я выбрала эту специальность!? Надо уйти в продавщицы или кондуктора, а никак не работать ничего не добившейся помощницей по подношению бумажек и книжек.

И это мне ещё повезло, что у меня сессия начнется с двадцатого. А если бы сейчас? Я как бы жила вообще? Может, правда, бросить универ и уйти в Шестерочку? Там хоть стабильность, гарантии и соц.пакет!

Решаю сходить за кружкой кофе, воспользовавшись тишиной в здании. Все начнут приходить минут через пять, так что наткнуться здесь можно лишь на таких же странных одиночек, как и я.

Выпив кофе на кухне, убираю кружку на место и, возвра-

щаяся по коридору, вдруг сталкиваюсь с Анастасией Захаровной. Та, не здороваясь, сбивает меня с ног одним лишь вопросом:

— Так, Алёна! Ты почему вчера не занесла оригинал по тиражу у Блу Рэй, а?

— Погодите... я же просила Мишель...

— Кого ты просила? Тебе кто разрешил делегировать на неё ответственность, Алён!? - Вспыхивает ещё больше редактор. - Я тебя просила, разве нет? Не Мишку, а тебя. Или я что-то путаю?

Сглотнув и скользнув взглядом по полу, уточняю.

— Не путаете.

— Ты принесла?

— Нет.

— И? Где оригинал? Мне перед автором твоим сканом апеллировать?

— Погодите... а она.. Миша не занесла разве?

Тон начинает повышаться:

— Ты глухая? Ты нормальная вообще? Нет, блин, не занесла! Во сколько она должна была прийти?

— Около пяти.

— Ха, не было никого!

— Но погодите...

— Так, - не думает давать и шанса, - либо в восемь документы у меня на столе, либо я иду на тебя писать заявление!

Кивнув и не найдя слов, долетаю до нашего закутка. И тут

же хватаю свой смартфон, набирая, к счастью, сохранённый Мишкин номер. Та отвечает только на третий раз, и я уже успела прошерстить взглядом весь её стол, пока слушала гудок за гудком.

— Миш! - Чуть ли не вскрикиваю, уже не унимая панику. Но на той стороне раздаётся сонное...

— Это кто?

— Алёна. Касаткина. Миш, где документы?

— Какие документы, - зевнув и сделав вид, что закашливается, отвечает вопросом на вопрос.

— В смысле "какие"? Накладные на тираж. Ты вчера брала у меня, хотела занести Анастасии Захаровне.

— Насте? Так я занесла вроде.

Переспрашиваю, пытаюсь унять дрожь:

— "Вроде"? Ты ей вручила?

Мишка зевает и вальяжно произносит:

— Не... её не было уже. Просто на стол положила. Вроде бы. Потом думала тебе записку написать, но забыла, наверное...

Хватаюсь за ответ:

— А... ладно тогда, спасибо. Ты заболела?

— Да что-то, кажется, простыла. Я на больничный, ты там можешь за меня отметку сделать?

— Хорошо, - потираю виски, - пока.

Немного успокаиваясь, выдыхаю и решаю сначала разобраться с действительно важным. Долетаю до кабинета ре-

дакторов, даже не постучав, залетаю внутрь и останавливаюсь только возле стола Анастасии.

— Они должны лежать у Вас на столе. Миша их оставляла.

— У меня на столе? - Выгибает бровь девушка. И осматривается, обращая своё внимание на взгляды других уже пришедших. - Почему это ты не сделала? Тебе кто разрешал?

Да никто мне не разрешал... и глазеть на её заваленный стол тоже никто мне сейчас не разрешал. Я пытаюсь найти знакомый файл с нужными названиями, но здесь столько всего, что впору вызывать подмогу.

— Посмотрите, пожалуйста, - говорю тише, едва справляясь с биением сердца.

Если сейчас не найдём, это огромный косяк. Та, наверное, это тоже понимает, вздыхая и начиная осматриваться. Я даже огибаю столы, заглядывая, не упали ли листочки куда-нибудь и не уронила ли их уборщица в урну. Те, к счастью, вчера не выносили. Даже прохожу к полкам, рассматривая всё, что лежит на них.

— Может, Миша столом ошиблась, - шепчу, привлекая к себе вновь зашипевшую Анастасию.

— Я тебе десять раз говорила, когда тебя принимала, всегда отвечать за свои поступки. Было такое?

Киваю, продолжая оглядываться.

— Ты сейчас потеряла накладные, а завтра что? Тираж не туда отправишь? Ты хоть понимаешь, где работаешь, а?

Да понимаю я... правда, понимаю.

— Это серьёзное место, Алёна! Здесь нельзя ничего терять. Никогда...

Думаю про сохраненные сканы, но не решаюсь перечитать. Её поднимающийся крик заставляет остановиться возле стёкол всё больше и больше народу. И мне хочется провалиться сквозь землю, лишь бы исчезнуть, а не привлекать каждого проходящего. Я снова осознаю, что похоже не подхожу для этой работы и, наверное, не зря столько дней пытаюсь пробиться в этот аквариум.

А оно мне надо, правда? Сглотнув пытаюсь не разреветься, просто выслушиваю все упрёки, которые сыпятся на меня.

Позади вдруг скрипит дверь. Девушка замолкает, отвлекаясь и тут же начиная робеть.

— Что у вас происходит? - Раздаётся уже знакомый мужской голос.

От него веет пущим холодом, вымораживая во мне остатки надежды.

Я закрываю лицо руками, окончательно потерявшись, пока другие здороваются с зашедшим моим палачом. Его ещё не хватало... черт возьми, теперь же точно не выстоять. Это просто отличный повод уволить меня сейчас, как он и хочет.

— Ой... здравствуйте, Вадим Денисович. Да ничего... - Анастасия Захаровна явно робеет, натягивая на себя улыбку, - я просто провожу профилактическую беседу с Алёной. Она чуточку забылась, где работает. Вот и всё. Ничего страшного! Да и мы уже заканчиваем!

И пока я пытаюсь понять, почему тогда, если это “Ничего страшного”, меня обвинили во всем на свете, он решает не уходить, как того просили:

— Так, фея моя, давай я сам сейчас поговорю с Алёной Максимовной наедине, да? А вы пока, наши золотые, быстренько оставите нас и прогуляетесь до кафешки, хорошо?

Всех явно устраивает данный расклад, ну кроме меня одной. Редактор кивает ему в ответ, хватая со своей горы кошелёк и мчит к выходу, закрывая дверь. Даже те, кто подслушивал у окна, сейчас ушли, побоявшись перечить рядом стоящему.

— Я...

Он шикает, огибая меня и тут же выхватывая под руку первый попавшийся стул. Садится, демонстративно перекинув ногу на ногу, скрещивает пальцы рук и только после замечает:

— Какого чёрта ты приехала сюда не на моей машине?

Стоп...

— Это сейчас важно? Я просто...

Прищуривается, ухмыльнувшись:

— А ты видишь между нами более важные темы для разговора?

Выдохнув и оставив при себе своё мнение, мотаю головой.

— Так почему уехала раньше, Алёна Максимовна?

Оглядываюсь, проверяя, не остался ли кто-то слушать концерт по заявкам. Нет, кажется, никого... но всё равно от-

вечаю тише:

— Потому что... если меня увидят в Вашей машине, по-ползут слухи.

— А, - явно фальшиво изображает понимание, - из-за слухов, значит. Это очень важная причина заставить меня, как дурака, ждать тебя возле твоих бараков.

Он ужасный. Реально ужасный...

— Вадим Денисович, - сглатываю.

— Что? Что ещё? Сейчас боишься, что кто-то услышит?

Не без этого, но едва ли его реально устроит такой ответ.

— Ясно, - понимает всё сам, вдруг вздохнув и чуть наклонив голову, - ладно, разберёмся. Что ты здесь натворила? - Снова смотрит в глаза.

— Да я не натворила... просто...

Ждёт, когда найду слова. Те не находятся. Даже не торопит, лишь проводит языком по зубам, вздыхая и зачем-то рассматривая меня с ног до головы. Хочется укрыться, но это было бы очень глупо.

— Просто вчера опаздывала к Вам, - прочищаю горло, - а надо было занести документы Анастасии Захаровне. Вот... и Мишель предложила помощь.

— А сегодня? - Ухмыльнувшись, вдруг оборачивается на сто восемьдесят и резко встаёт, шагнув к нужному столу. - Сегодня ни документов, ни твоей... как её? Мишель. Я верно понял?

— Да.

— Что там хоть было?

— Накладные на отправленный СДЭКом тираж.

— Ммм... и это из-за этого она орала на весь этаж?

— Ну да... но это правда важно.

Проводит пальцами по столу, проходя к окну.

— Хорошо. Если это "правда важно", я могу тебе помочь?

Или мне стоит оставить всё так, как есть, Алёна?

— Не надо мне помогать, пожалуйста...

— Неправильный ответ. Ещё раз подумай. - Оборачивается, улыбнувшись. - Давай разъясню, твоя Мишель, вероятнее всего, не донесла. Либо эта Настя ослепла от своего срача и решила отыграться на тебе. При любом варианте тебя ждёт замечание. Это хорошо?

Мотаю головой, что он и отмечает.

— Правильно, не хорошо. Особенно, если вспомнить, сколько ты здесь уже грызёшь эти задворки.

Сам он "Задворки"!

Останавливается, опершись об подоконник и сцепляя руки перед собой.

— Ты, кстати, напomini, сумеешь выплатить сумму печати и оплатить из своего кармана стоимость доставки, если вдруг тираж где-нибудь потеряется?

Отвожу взгляд, выдохнув.

— Верно, как я понимаю, нет. Такое едва ли произойдёт, у нас хорошие контрагенты, но вероятность всё-таки есть всегда.

— Но у нас есть сканы... я их вчера сохранила, и всем отправила. Даже Анастасии Захаровне.

— Правда? Как здорово! - Явно ирония. - А чего ж она тогда орала-то, кокорош?

Опять это чертово уменьшительно-ласкательное, от которого хочется прочистить желудок..

— Ладно... я поняла. Но разве Вы можете помочь и не потопить меня?

Ухмыльнувшись, кивает.

— Могу.

— И чем мне грозит Ваша помощь?

— О, - он потирает щетину ладонью, пытаясь не улыбаться, - хороший вопрос!

На который он, как редкостный черт, явно заранее придумал хороший ответ.

— А чем ты можешь ответить, если я тебе помогу?

— Ни...чем...

Вадим Денисович мотает головой, опять улыбнувшись.

— Нет, снова неправильно.

Выдыхаю, пробуя выстроить все эти слова и думая, правда ли всё настолько плохо... ну да, остаться без должности или с порезанной в канун сессии премией - это прям хорошо!

— Только... ничего ужасного не предлагайте, пожалуйста. Смеётся.

— Ты не так поняла. - И явно поняла я правильно, заставляя его придумывать новые варианты. - Так... смотри, давай

мы с тобой объём двух зайцев, да?

— Каких зайцев?

— Серых, Алёна. Прямо как ты.

Ну прям очень смешно. Улыбнувшись моему замешательству, переступает с ноги на ногу, наконец начиная говорить суть:

— Если я тебе напрямую помогу, слухов будет не меньше, чем ты там себе придумала, отказавшись от утренней поездки со мной. А если мы ещё и начнём каждый обед проводить вместе...

Получаю шиканье на почти вылетевшее изо рта “каждый!?”. Тот удостоверившись, что я промолчала, кивает, продолжив:

— До поры до времени - каждый. Слухов будет ещё больше и их пагубность уж точно коснется твоих милых щёк. - Подкрепляет теорию улыбкой.

— И?

— А фотографии наши с тобой мы же всё равно посмотрим, верно? - На эту смесь даже страшно смотреть.

— Допустим, - до сих пор не понимаю, к чему этот бред.

— Ну подумай уже сама дальше! Если ты не будешь со мной обедать, тогда что?

Да откуда мне знать, что... спустя, наверное, минуту моих тщетных попыток поскрести по сусекам, он всё-таки решает сжалиться.

— Проведёшь со мной ужины. У меня дома.

В воспоминаниях тут же всплывает кинутое им вчера продолжение, состоящее из “в моей квартире, в моей...”.

— Нет!

— Это сейчас был не вопрос, Алён. Условие. И даже не спрашивай, что будет, если не согласишься с ним.

— Пригрозите увольнением? Снова? За такие предложения и условия вообще статья существует.

— Да ты тут и без моих угроз сегодня неплохо справились, правда? Нужно только надавить на Михалну. Думаю, эта Настя справится и без меня. Ты же тут не первая, не последняя, точно не единственная. Так что... стоит здесь оставаться?

Пока выдыхаю, продолжает сам.

— Ужин. Фото на плазме. Всё. Больше ни-че-го. Почти так же, как я сказал вчера. Просто у нас меняется место. Готов тебя даже отвезить домой, чтобы твоя мама не волновалась. Сойдёт?

Это блин фу! Огромное фу! Мотаю головой, прикусывая нижнюю губу и пытаюсь найти решение. Такое чувство, будто меня загнали в тупик. словно он знал всё заранее, планировал, как и с моей фотосессией. Такое чувство, что я могу отказаться, но все гончие псы тут же вгрызутся в мою шею, стоит ему уйти, тем самым, запуская личный круг ада и не давая больше спокойно работать здесь. Именно здесь.

Надо искать другую работу. Срочно. Но черт...

Может помочь? Как он может помочь? Заткнуть кого-то? Пригрозить? Это же не поможет... я знаю, что в этом кол-

лективе умеют и любят травить всех, кто цепляется на глаза. Но... мне по-прежнему не хочется оказаться девочкой для битья. И мне нужно же моё место.

— Надумала?

— Хорошо, один ужин и просмотр фото, если Вы правда всё разрешите. Хотя мне не верится...

Вадим Денисович приподнимает бровь, улыбнувшись ещё шире, пока я пытаюсь не назвать себя дешёвкой. И в его янтарных глазах играют на скрипке лютые демоны, выжигая мою глупую фразу клятвой. Кажется, теперь только если писать на увольнение по личным обстоятельствам... ибо мои эти самые обстоятельства сейчас сгущаются в тучи и думают рассмеяться, так просто получив от меня то, что, наверное, и хотели.

Так просто. Но так паршиво и сложно одновременно.

Ро 9. Это наивно

v_ad.

Наверное, женский коллектив не может без этого. Но я выпроваживаю отсюда наивную до ужаса Алёну и остаюсь ждать всех покинувших свой пост, заодно разглядывая вид из окна.

Чёрт, и стоило ли выбирать костюм, волноваться по её поводу, если она просто меня продинамила с самого утра? Алёна-Алёна...

Улыбнувшись, смотрю на часы и наконец получаю в недолгое владение желаемую ораторшу.

— Насть, - оборачиваюсь к её замершей у стола физиономии, - а ты хорошо всё посмотрела?

Актриса погорелого театра кивает, так что приходится намекнуть ещё раз:

— Точно хорошо посмотрела?

— Ну я торопилась и... мы мельком...

Ммм, торопилась наорать? Хорошее дело, не спорю, только должностные немного не те. Приходится торчать здесь, наблюдая, как все мигом нашли себе работу и сделали вид, что не участвовали в травле, посмеиваясь за Алёнкиной спиной. Интересно, почему она? Больше никого не нашли? Лёгкая мишень, конечно. А дальше? Кого бы снесло следующей? Может, эту Настю за слишком громкий голос? Непло-

хо, кстати, было бы. Змея, сожравшая саму себя...как вечный уроборос, в котором никогда ничего не меняется.

— Не нашла? - Спрашиваю, заметив хоть какой-то цвет её столешницы. Документы разбрелись по стопкам.

Кладёт последний и подтверждает:

— Нет.

— Ты второй звонила?

Конечно же, нет.

— Мише? - Уточняет мадам, сглатывая.

Будто я должен объяснять всё на пальцах.

— Да, Мишель.

Та боится быть говорливой рядом со мной. Просто тянется к телефону, набирая нужный номер. Вздохнув, протягиваю руку и предупреждаю возможное развитие событий.

— Я сам поговорю.

Девушка, явно нехотя, передает гаджет мне и виновато ищет взглядом, за что бы ей зацепиться. Да у нас тут комбо! Как хорошо устроились. Гудки наконец сменяются знакомым писком:

— Насть, ну как? Меня точно теперь возьмут?

— Нет, Мишель. - Улыбнувшись, обескураживаю особо умную выскочку. - Но если ты сейчас явишься на работу и каким-то чудом всё-таки найдёшь накладные, то так и быть, злой и страшный Вадим Денисович тебя не покарает, превращаясь в милого обожателя твоего паршивого кофе. Сойдёт?

Получая едва слышное бление состоящее в основном из “Простите”, отключая звонок, передавая под всеобщее молчание и мысленное линчевание пойманных за руку повинных смартфон разом присмирившей хозяйке, решаю тут даже улыбнуться.

— Ещё раз такое натворите, убытки будете возмещать сами. А ещё вычту компенсацию морального вреда, а то я что-то аж разволновался, гадая над тем, как же вы мои золотые и любимые это под моим носом решились провернуть. Не впервой, наверное, да?

Мадемуазель пускает слезу, позволяя не особо стойкой туши катиться вниз.

— Я понятно сейчас выразился? - Очерчивая помещение, касаясь взглядом каждую. - Пора создавать меньше скандалов, прекрасные наши, хорошо?

Получая всеобщее кивание, всё же решаю дожждаться здесь пресвятого явления откуда-то взявшихся доков. Они реально раздули из мухи слона, видимо, сговорившись вдвоём.

Интересно, у нас именно в этом месяце как раз хотели принимать Алёну? Та дурочка решила поправить карты? Прав ли я, решаю не уточнять, хотя здесь несложно догадаться, да и дойти всего ничего - нужно всего-то заглянуть к Михайловне. Вместо этого отправляю за кофе одну из рьяно занятых работниц пера и книжки.

Тот, кстати, отвратный, но это я ещё вчера понял. Застав-

ляю себя пить его, гадая, сколько ещё тут ждать... даже завожу беседы с успокоившейся и пытаюсь рассмешить всех рядом сидящих, но всё равно начинаю скучать. Спустя ещё двадцать минут где-то в коридоре раздаётся топот. Эта Мишель залетает в наш розарий и чуть ли не падает замертво, протягивая через столы явно нужный файл.

На этом моменте наконец встаю с чужого стула, позволив Анастасии разбираться со своими последствиями дальше. Ещё раз повторяю про наказание, закрепляя эффект испуга. И ухожу к себе, довольствуясь собственной силушкой.

Ну красавчик же, а?

Не дойдя и пару шагов до лифта, решаю заглянуть к девушке, из-за которой провёл здесь столько времени. Останавливаюсь возле их воображаемой и несуществующей двери и думаю воображаемо постучать три раза, но вдруг замираю...

Эта маленькая мышка-малышка сидит ко мне спиной, пытается смотреть в экран монитора, но вздрагивает раз за разом. Да ну? Разве моя такая красивая маленькая мечта может вот так сильно расстраиваться и так горько плакать?

И зачем же это? Перепугалось? Так нежно... так мило.

Ко 10. Вытирай слезы

greykokoro.

Вздрагиваю, чувствуя, как моё кресло вдруг разворачивается. Этот жуткий Вадим Денисович заканчивает начатое и опускается на корточки рядом, заглядывая в мое лицо. Хочется спрятаться, но он ловит мою кисть, прошептал:

— Не надо больше плакать, мышонок. А то придется лопотить твои слезы... ммм, губами. Хочешь? - Ухмыльнулся, продолжая говорить. - Я, кстати, люблю соленое и ненавижу сладкое, так что мне явно понравится. Проверим?

И пока я судорожно отстраняюсь к спинке и мотаю головой, он, кивнув, продолжает:

— Напугал? И правильно. А то начну я не с щек и явно не сразу дойду до лица...

Понимать значение не хочется. Потому, не получив нужную реакцию, вздыхает и просто смотрит, как я вытираю глаза от открывшимся от рукава свитера запястьем.

Только у меня не получается успокоиться мигом, и, наверное, поэтому этот странный начальник вдруг встает, обходит меня и что-то тыкает по клавиатуре за моей спиной. Пробую развернуться, но этот странный... не дает, удерживая ногой колесико, бесполезнодвигающееся моими стараниями под его ступней.

— Все, готово.

— Что готово?

— На сегодня ты работаешь в городе.

— В смысле? - До сих пор приходится выгибаться, пытаюсь обернуться. - Как это "в городе"?

Вадим Денисович наконец понимает, что вообще стоит дать мне двинуться или хотя бы отойти, убрав его же левую лапу со спинки кресла.

— Тебе не рассказывали, что Ваш отдел может транжирить деньги компании и назначать личные встречи с авторами вне стен офиса?

— Нет, только догадывалась, но... я же не в штате.

— И что? Не хочешь узнать, с кем проведешь день?

Начинаю догадываться, только все равно же произношу то, что он явно хочет услышать.

— С кем? С Вами?

Довольно кивает, словно это лучший на свете план.

— И кто тогда Вы? Автор или редактор?

— Ммм, как уж захочешь.

На самом деле, не смешно, но я позволяю ему внушить, что это, правда, поможет. Вот только сбегание от проблем никому еще не помогало, особенно, с начальством.

— Собирайся и спускайся на парковку. - Улыбнувшись, снова бурчит. - Только на этот раз без самовольных вылазок, поняла? А то сниму свое подтверждение и выставлю все прогулом.

— А если я тут останусь?

Он демонстративно округляет глаза, фальшиво ужаснувшись:

— И пропустишь встречу с твоим первым автором? Не ожидал от тебя!

Вот и что делать, Боже? Но словно перехватив посыл, уточняет:

— У тебя еще где-то минута, чтобы сбежать со мной. Потом действие моего красноречия спадет и явит в коридор всех свидетельниц пресвятого явления накладных.

Я замираю...

— Их нашли?!

Вадим Денисович кивает, ухмыляясь довольно.

— Не трать время, Алёна Максимовна, хорошо?

И едва ли это снова вопрос, требующий от меня ответа. Но все-таки говорю...

— Спасибо.

... заставляя его искренне улыбнуться. Это красиво. Он, стоит признать, симпатичный мужик, но думать в этом направлении мне точно нельзя.

Потому встаю и следую за ним, даже решившись выключить компьютер. Хотя страшно представить, что со мной будет, если этот сейчас плетёт свою паутину, толкая меня к увольнению.

Я останавливаюсь за его спиной и радуюсь, когда лифт подъезжает к нам. Даже чуть не решаюсь затолкнуть его быстрее в кабину, расслышав где-то шум голосов. Забегаю

и тут же выжимаю кнопку минус первого этажа, заставляя двери скорее закрыться.

Мне точно не нужны все эти слухи! Боюсь сейчас даже спрашивать, как всё прошло в редакторском отделе, прокручивая в голове самые худшие варианты.

— Вы... - заставляю себя обернуться к нему, встречая несколько не дрогнувший взгляд.

Кажется, мне сверлили спину, а я даже этого не заметила.

— Вадим Денисович.

— А? - Медленно скользит кверху, пока лифт опускается вниз, не замирая ни на одном из этажей.

— Вы точно ничего там ужасного им не наговорили? Я просто... мне кажется, что...

Останавливается на лице и почему-то опять улыбается, словно всё это не стоит ни йены, ни гроша его внимания.

— У тебя глаза запоминающиеся...

Аж делаю шаг назад, перестав дышать от подступающего непонимания.

— Думаю, если бы мы здесь встретились, я бы всё-таки тебя узнал.

Закрываю лицо руками и сдавливаю переносицу подушечками пальцев, не веря в то, что этот властный блюститель играни на чужих нервах сейчас и правда что-то такое посмел сказать.

— Прекратите, - шепчу, выдохнув и отвернувшись.

Слышу, как он, ухмыльнувшись, вздыхает и всё же не ре-

шается заткнуться:

— Но ты же помнишь, что дело не только в глазах?

Поёжившись, сцепляю руки под грудью, радуясь толчку кабины. Дверцы открываются, позволяя мне выбежать от него подальше...

— Алён, к моей машине.

И это снова не похоже на просьбу, очередной приказ, которого надо бы слушать, но... да какие “Но”? И пока я топчу край борцов и заставляю себя поверить в то, что это всё не имеет никакой подоплёки, выдыхаю, медленно разворачиваясь и тихо начиная ползти в направлении его удаляющейся в другом направлении фигуры.

Вот почему так? Почему я вообще здесь? За что я здесь? Чего делать-то дальше?

Предпочитаю молчать, не создавая ему новые импульсы для излияния своих пошловатых мыслей. Спасибо, но знать я их не хочу точно. Просто сажусь на пассажирское и пристёгиваю ремень, стараясь занимать как можно меньше места. Хочется, как Вадим Денисович вчера и выразился, перестать существовать, но в этом, видимо, надо практиковаться.

— Алён, - демонстративно кладёт руку на подголовник за мной и делает вид, что сдаёт назад, разворачивая свою баржу в сторону выхода.

Не стоит и говорить, что у него пищит парктроник, включая на огромном экране камеру заднего вида, так что этот жест явно был поводом нарушить мои личные границы.

Нет, мне это точно не нравится.

— Уберите руку, пожалуйста, - шепчу, покосившись в сторону его бедра.

Он хмыкает и довольно спокойно уточняет:

— Это моя машина.

— Вы сейчас явно лишнее себе...

Замолкаю, понимая, что это же даже уже не впервые, чтобы так цепляться.

— Договаривай, ну?

Закрываю глаза, на дюйм сдвигаясь к дверце.

— Хотите позволить.

А тот вдруг смеётся, с шумом вдыхая воздух.

— Если бы ты знала, что я хотел бы себе позволить...

Прикусываю губу, помотав головой. Нечего мне об этом думать. Не-че-го.

— Я бы, может быть, не работал, - вдруг говорит он, - но, как старший сын, обязан поддерживать вас всех на плаву. А ещё улетел бы куда-нибудь в тепло, но должен замерзать в этом снежном январе, Алёнушка.

Посмотрев на миг, вдруг думаю, как же разнится наше существование. Он не тянет на принца, но его образ жизни да и всё, что окружает, мне никогда не будет доступно. Впрочем, и я не тяну на золушку. И даже гадать не хочу о том, бывают ли в жизни сказки.

— А ты?

Не сразу вникаю...

— Что?

— Что ты себе хотела бы позволить, но не можешь?

Мотаю головой, задумавшись. Лучше не касаться этой темы, но он думает настоять:

— Расскажи, или я такой страшный?

— Не страшный. Пугающий и далёкий.

Снова смеётся, выезжая на шоссе. Мне не хочется выискивать ответ, куда ведёт наша конечная точка. Не хочется думать, что он сейчас делает. И не хочется знать, что я уже сейчас себя обрекаю. Совсем не хочется ничего чувствовать... ничего. Ни-че-го.

— Так о чём ты мечтаешь, мышонок-малышонок? - Нарушает молчание, одним лишь вопросом больно проникая в область груди.

Мечты... у меня? На ум приходят только закрытие кредитов и погашенные счета за квартиру.

— Ммм... такое не поймёте, наверное.

— Ну ты попробуй, я вроде не глуп, - ухмыляется, снова нарушая правила передвижения.

Шумно выдохнув, вдруг думаю, что, наверное, это шанс его от себя отдалить, очертить ту самую грань и показать, насколько мы разные.

— Вы когда-нибудь просыпались с мыслью... что сегодня у вас нет денег даже на хлеб? Или просили у друзей тысячу, пытаясь закрыть хоть какие-то платежи? А потом думали, откуда брать деньги, чтобы отдать всё и ещё как-то дожить

месяц? Ну как? Приходилось?

Подкрепляю лживой улыбкой и чуть прищуриваюсь, смотря, как меняется его лицо. Да, я просыпалась и просыпаюсь до сих пор, хоть и работаю постоянно, панически боясь не вылезти из этого. Поэтому с одиннадцати пытаюсь хоть что-то где-то урвать, то разнося листовки, то моя полы, стараясь быть сильной перед той, которой обязана жизнью.

— Так о чём я могу... мечтать... по-вашему... мнению?

Он отвечает уже без этих ноток иронии, сарказма и самодовольства:

— Это уже тебе решать, Алён. Но я, правда, не думал, что у тебя настолько не закрыты первоочередные потребности.

Его лицо застывает, становясь для меня каменным. Я даже хмыкаю, улыбнувшись, и отворачиваюсь к окну, наконец выдыхая хоть чуточку спокойнее.

Время тянется оставшимися позади улицами. Уже можно смириться с тем, что едем мы в сторону его элитки.

Интересно, он уже пожалел об этом и сейчас думает, как от меня отбрыкаться? Так сама спокойно уйду. В кармане куртки есть карточка, и я доеду на автобусе обратно. Всё же просто!

Ко 11. Посмотри со мной

greykokoro.

Он сворачивает в карман, выкруливая к своему дому. За-
ворачивает на подземный паркинг и быстро выходит, сто-
ит двигателю замолкнуть. Огибает авто и в три счёта, пока
я пробую разобраться с ремнём, открывает пассажирскую
дверь, ожидая теперь, когда я выйду к нему.

Это точно не тянет на рабочий жест, но всё же выхожу,
делая вид, что не замечаю, как тот протягивает руку, опять
начав безмятежно мне улыбаться.

Видимо, не помогло. Видимо, ему мои вопросы дали лишь
повод чувствовать превосходство. Да уж...

— И что? Даже за руку не возьмёшь?

— Нет.

— Ммм, а если...

Обрываю, ускоряясь в сторону виднеющейся двери. Ну
надеюсь, иду верно.

— Опять прикажете?

— Кстати, - совершенно спокоен, - хорошая идея! Если
потеряешься здесь, не будет страшно?

Оборачиваюсь, демонстративно закатывая глаза. Тоже
мне, напугал... да идея здесь пропасть - это лучшее решение,
которое могло бы избавить меня от него на данный момент!

— Я же верно иду, да?

Кивает, ускоряясь и в два счёта обгоняя. Снова открывает передо мной дверь, пропускает вперёд и не торопится опередить, явно смотря на то, как я поднимаюсь по лестнице и выхожу на первый в холл к уже знакомой недовольной консьержке.

— Ой, Вадим Денисович, она с Вами что ли? - Бурчит старушка, даже поднявшись с кресла.

Кивает, вставая рядом и сам нажимая на кнопку лифта.

— Хорошо, я тогда запомню, - отчитывается, будто кому-то из нас это нужно.

Подниматься с ним снова - некомфортно. Считать секунды и пытаться не шевелиться - неприятно. Тот выходит из кабины первым, быстро справляется со своей дверью и снова пропускает пройти.

Я устала от этой непривычной галантности. Мне это не нравится... но всё равно слушаюсь, замирая за чертой на краешке уже знакомого коврика.

Мой босс заходит следом, закрывает дверь и разворачивается, чуть не столкнувшись со мной.

— Чего ждёшь? Раздевайся.

Хочется нелепо пошутить про “так сразу”, но это точно не то, что я имела ввиду и точно не то, что он сможет воспринять шуткой.

Итак, кто бы мне напомнил, какого чёрта я согласилась приехать к извращенцу, у которого висит мой постер? Кстати, да, за той закрытой дверью... сглотнув, пробую держать

лицо. Но он видимо понимает мои мысли и тихо говорит, стягивая с себя куртку:

— Не бойся, лишнего увидеть не дам.

Прям обнадёжил.

— Просто фотографии, да? И я спокойно уйду.

— Нет, - снимает туфли, убирая их на полку, пока я продолжаю стоять, - ещё выпьем кофе и покушаем что-нибудь.

Ладно, звучит не так уж и страшно.

Стягиваю с себя кожанку, разуваясь и иду за ним, уже зашедшим в огромные двери... кажется, ему вообще нравится свет - белые оттенки преобладают повсюду. В этом пространстве пугают огромные окна, квадратные колонны и пустота... огромная и будто чуждая. Это всё очень красиво сделано, но я в принципе даже на миг не могу представить, каково это - постоянно существовать в этой огромной белизне.

Даже массивный угловой диван у выделенной зоны гостиной и тот обшит тканью цвета слоновой кости. Рядом с ним столик, а на стене напротив, единственно оформленной плиткой в тёмных тонах, висит плазма, пугающая своими габаритами. К ней, кажется, подключен домашний кинотеатр, и всё это настолько навороченное, что мне, наверное, даже в магазинах не встретить.

— Насмотрелась? - Напоминает о себе откуда-то сзади.

Приходится развернуться и сделать пару шагов, заглянув в проход. Прямо у этой стены оказывается кухонная зона, снова чудовищно светлая. Даже столешницы у большущего

гарнитура и островка гармонируют с белым камнем. Может, это он и есть, я даже не знаю.

— Какой кофе пьёшь? - Вдруг одёргивает от замешательства. - Извини, конечно...

Я только сейчас замечаю, что Вадим Денисович копается в настройках громадной кофемашины,

— но тут нет того дешевого пойла, которое делаете на работе. - Смеётся, нажимая на кнопки. - Так что выбирай, что любишь.

— Любой подойдёт... - не решаюсь пройти дальше.

Кивая нажимает на одну из многочисленных кнопочек и тихо повторяет “Ну любой, так любой”. И эта техника начинает жужжать, а он поворачивается ко мне, указывая взглядом на барный стул.

— Сядь уже, Алёна. Или предпочитаешь стоя?

Дёргаюсь, замечая ухмылку. Так... стоп, это я сейчас о чём-то не о том подумала, или он правда вложил второй не самый благородный смысл?

Решаю, что лучше просто молчать и сесть, куда он там указал. Натягиваю рукава кофты, сложив руки перед собой. Просто смотрю, как он подходит к двухдверному холодильнику, открывает его и замирает, разглядывая многочисленные контейнеры.

— Так... есть конфеты, но у них... - тихо смеётся, - немного странноватый вкус. Не знаю, понравится ли тебе такое. Попробуешь? Из нормальной еды что-то хочешь? Есть

жаркое, салаты и, кажется, я вчера ещё заказывал шашлык, но вообще не помню, куда его здесь запихнул.

— Нет. Мне ничего не надо, спасибо.

Даже оборачивается, изогнув бровь.

— Боишься? Я ж сказал, вечером заказывал. Всё пока свежее. Сам не готовлю, не бойся.

Пока соображаю, зачем тогда нужна настолько большая кухня, если здесь не готовят, тот всё-таки начинает доставать стеклянную утварь и вываливать её на свой край острова. Переставляет контейнер за контейнером, оценивая содержимое очень пристально, и вдруг отшвыривает один в мою сторону, совершенно не боясь, что тот может улететь мимо.

— Будешь?

Не понимает? Не слышал моего “ничего не надо”?

— Я ничего не хочу, спасибо.

Только на это он поднимает ко мне голову и, чуть прищурившись, произносит, специально интонационно выделяя каждое слово:

— Ты. Сейчас. Со мной. Поешь, ясно? - Договорив, вдруг меняет повелительное на улыбку и уточняет. - Так что? Жаркое?

— Просто кофе... - отодвигаю в его сторону бедную стекляшку с лежащим внутри мясом и картофелем.

Я боюсь думать о том, что такого количества еды и продуктов в нашем с мамой доме никогда не водилось. Да и одна эта кухня по размерам тянет на две трети квартиры, если да-

же не больше. Неужели не чувствует? Я здесь лишняя. Здесь все кроме него будут лишними.

— Ладно, - вдруг сдаётся, - но конфеты попробуешь, хорошо?

Странное желание меня накормить.

Заставляю себя кивнуть, получая в ответ его уже очередную улыбку. Следом, пока кофемашина наполняет журчанием чашку и рождает вкусный аромат кофейных зерен, он заталкивает все обратно в холодильник и открывает внутри него полочку. Вытаскивает оттуда какие-то разноцветные пакетики, захлопывает дверцы локтем и ногой, а следом оборачивается, вываливая всё здесь. Отворачивается к гарнитуру, нажимает на край фасада навесного шкафчика, который тут же чуть приоткрывается, и достает оттуда пару, конечно же, белых пиал.

Ставит их передо мной и рукой дотягивается до горы нераспечатанных “конфет”. Ему точно нравится, что я сейчас наблюдаю. И пока последние капли кофейного напитка капают за его спиной, Вадим Денисович шуршит пакетами, распахивая их и высыпая содержимое по пиалам. Делит надвое. Так что догадаться, что одна из них предназначена мне - не трудно.

— Я немного совсем, - говорю, замечая прибавившиеся к карамели “с морской солью”, зеленым M&M's и смутно знакомым Твиксам с явно необычным вкусом еще горсть разноцветных драже.

Подвигает одну порцию ко мне, кивнув. Ставит кофе, оказавшийся, кажется, простым американо, и отворачивается, выбирая напиток себе.

Решаю, что сейчас самое время схватить одну дражешку, раз он все равно будет настаивать.

Из этой горы выбираю самую безобидную - самую маленькую и розовую. Заталкиваю ее к себе в рот, кладу на язык...

— Ай-я-яй... - вскакиваю со стула и пробую выплюнуть в ладошки, но это орудие пыток уже растворилось, успев выжечь мне всё. Кажется, у меня немеют язык и нижняя губа, пугая меня до жути.

Я округляю глаза, пытаюсь не промычать и показывая на свое лицо, смотря, как Вадим еле сдерживает смех. Выдыхает и, вдруг достав из своей пиалы такую же “безобидную” конфету, спрашивает:

— Эту выбрала? - Получает кивок и мои стекающие произвольные слезы. - О, это одна из самых жестких.

А потом вдруг кладет ее к себе в рот и поднимает к потолку взгляд, замирая. Терпит? Как это можно терпеть!?

Сглатывает и смотрит на меня, поморщившись, но пытаюсь держать лицо. И теперь уже я смеюсь, когда в уголках его светло-карих глаз проступают слезы. Станный... резко вцепляется в край стола и закрывает второй ладонью рот, вызывая во мне приступ смеха.

— О! Я снова могу чувствовать губы... - с трудом произношу.

Тот кивает, явно ожидая, когда это постигнет и его. Зачем тогда съел? Забавный...

Или он съест всё, что попробую я? Так дико, но хочется проверить. Отпиваю глоток кофе без сахара, снова наслаждаясь запахами и вкусами, смешавшимися воедино. Кажется, к нему в кружку сейчас льется такой же.

Касаюсь пиалы, смотря, как он наблюдает за мной, и вытаскиваю первую попавшуюся, показав ему.

Фиолетовое драже. Даже боюсь представить, что там за вкус, но всё же открываю рот и, зажмурившись, кладу это неизвестное за зубы.

— Ммм... - даже улыбнулась.

Мой некогда строгий босс находит себе такую же и съедает ее, улыбнувшись в ответ.

— Виноград?

— С солью, - уточняет, получая мой слабый кивок.

— Но по-странному вкусно.

И он вдруг прищуривается, облизнув верхнюю губу, но тут же мотает головой, следом отворачиваясь к налитому кофе.

— Может, посмотрим фильм, Ален?

Только бы не свел это все к просмотрам кино с последствиями...

— Это будет твое задание на сегодня. А фотосессию посмотрим в следующий раз, хорошо?

Едва ли у меня есть выбор.

— А какое задание?

В ответ улыбается, указывая взглядом на кофе.

— Бери с собой и пойдем, я расскажу.

Приходится слушать.

— Так... - говорит, выходя со своим напитком из кухни.

Мне даже немного жаль, что мы не взяли с собой те странные конфеты. Я иду за ним прямо до дивана и соглашаюсь сесть на указанную взглядом середину.

— Так ты работаешь у нас, потому что любишь литературу? - Улыбнувшись, берет пульт. - Прочитал вчера в резюме.

И я бы поежилась, но сама лично писала это своей рукой три месяца назад, так что... ничего удивительного! В конце концов, он и не такое обо мне знает.

— Да, - наконец отвечаю кратко.

— А что ты любишь?

— Нон-фикшн и публицистику...

— А биографии?

Кивнув, решаю даже улыбнуться.

— Люблю.

— О, отлично, - отвечает взаимной улыбкой и вдруг разворачивается, падая на диван по левую руку от меня, - тогда у тебя, еще раз скажу, задание, пока мы посмотрим фильм, подумай...

Уже копается в поиске, вводя буквы, складывающиеся в незнакомое мне имя.

— Смогла бы ты убедить эту мадам написать и издать у

нас свою биографическую драму. Потом ответишь, что там надумаешь.

Открывает обложку единственно появившегося фильма, заставляя меня всмотреться в профиль задумавшейся пожилой женщины, держащей в пальцах зажженную сигарету.

— Ханна Арендт*... а кто это? - Тихо спрашиваю, пока тот опускает курсор ниже.

Улыбнувшись, нажимает на “Play”.

— Узнаешь, - говорит, погасив весь искусственный свет одним лишь хлопком в его огромном зале.

И хорошо, что здесь не зашторены окна, а то стало бы очень странно оставаться с ним один на один в темноте. Впрочем, не в первый раз.

Отгоняю мысли, решая погрузиться в фильм.

Всё начинается с лекционного зала, стекая из сцены в сцену. И передо мной растекается история, которая почему-то уже царапает изнутри. Я пытаюсь отвести взгляд и не смотреть на намёки отношений девчонки с одним слишком статным и старым философом, притягивая хоть какие-нибудь оправдания не вникать в первый посыл.

Чувствую, как он рядом откидываеься на спинку и хмыкает, явно заметив, что я смутилась.

Это всё пока что не для меня, но создаёт иллюзию, словно та, о которой снят этот фильм, своим чарующим голосом шепчет свою историю, не давая шанса не слушать, не слышать и, к сожалению, не понимать.

Девочка вырастает в умную, взрослую женщину, решившую написать о страшном.

Здесь даже воспроизвели сцены из здания суда в Израиле, заседание, которое та и решилась освещать, приехав из светлых Штатов.

— Какой это год? - Спрашиваю, подавшись вперёд к экрану и упирая локти в колени, положив голову на ладони.

— Шестьдесят первый, Ален. - Отвечает Вадим, не меняя позу.

Я слежу и начинаю сопереживать Ханне, решившейся опубликовать работу, которую не принимает никто. От нее отворачиваются даже некогда дорогие, а она не сдаётся, хотя даже ее издательство пытается на нее надавить. За то, что Ханна впервые решилась назвать всё своими именами, назвав осужденного - ничего не понимающим винтиком в этой огромной жестокой системе нацизма, пугающей и умерщвляющей... на неё сыпятся обвинения, сейчас даже кажется, что все считают её пособницей, сумасшедшей.

Только именно в этот напряженный момент я вдруг чувствую, как Вадим, каким-то чудом оказавшийся рядом, поворачивает голову, приблизившись. Замирает и с медленным шумным ломаным вдохом заставляет всё оборвать, просто вытягивая некогда мой воздух, ускользающий и не добигающий до легких.

Тук... тук... тук...

Сцены фильма продолжают сменяться, но я замираю,

сжавшись и уже повернув голову к нему. Его губы оказываются слишком близко, здесь нет и пяти сантиментов.

— Отодвинь...тесь...

Он отвечает тем же, не отстраняясь:

— Просто посиди... пожалуйста.

Нет. Это... это неправильно. Замираю, боясь двинуться и шевельнуться. Из последних сил мотаю головой, разрывая жутко давящее ощущение его присутствия, и отворачиваю голову, отсаживаясь подальше.

Мне надо уйти. Нужно уйти! Срочно встать и прекратить. Это не смешно. Это не работа. Это... выдыхаю, вдруг ощутив себя переломанной, будто он только что сделал то, на что с Ханной решился всеми признанный гений**.

Я не могу оправдать и понять... это убивает.

Зато Вадим Денисович встаёт и отходит, справляясь с ситуацией явно лучше моего мнимого участия. Просто уходит куда-то, оставляя меня здесь одну досматривать это кино.

Слишком страшное, личное и пугающее.

* Ханна Арендт (1906-1975) - немецко-американский философ еврейского происхождения, политический теоретик и политический историк.

Алена и Вадим смотрят одноименный фильм 2013 года, снятый о 3 годах её жизни. В тот период, еще служившая корреспондентом в газете The New Yorker Арендт отправляется освещать процесс над одним из организаторов Холо-

коста Адольфом Эйхманом. Под пером исследовательницы возникла картина, которая совершенно не укладывалась в сложившиеся рамки, это вызвало огромную волну возмущения и поделило многих на её сторонников и противников - примерно так появилась (в свое время зацепившая вашего автора) книга "*Банальность зла...*".

** всеми признанный гений - речь о четырехлетнем романе еще студентки Ханны и философа Мартина Хайдеггера, который преподавал у неё в Марбурге (и был женат). Ясное дело, невинную Алену эти отношения пугают. Особенно на фоне замашек Вадима.

Ро 12. Это плохо

v_ad.

Ухожу в кабинет, хотя впору принимать ледяной душ. Закрываю за собой дверь и только после позволяю себе тяжело выдохнуть.

Думаю, дело точно не в фильме. Даже посмотри я с ней “Что? Где? Когда?” в мои

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.